

Илья ГЕРАСИМОВ

**ЕВРЕЙСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ОДЕССЕ НАЧАЛА XX ВЕКА:
ОТ УБИЙСТВА К КРАЖЕ?
КРИМИНАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
И СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ***

Я Абрамчик, самый способный карманник.
Великий артист, я работаю легко и уверенно.
Первый раз, и я об этом буду помнить до смерти,
Я попал в кутузку за то, что украл хлеб.
Я не езжу по рынкам, как эти пролетарии,
Я краду только у жадных и грязных магнатов.

...

Растет вор – это правда.
Я вор, но хороший парень.

(Перевод с идиш)

Mordechai Gebirtig, “Avreml Der Marvikher”,
песня считается в России народной.

Пролог

В конце 1914 – начале 1915 года Одессу захлестнула волна шантажистских писем: обыватели в разных районах города едва ли не ежедневно начали получать письма с угрозами и требованиями крупных сумм денег. Массовая преступность неожиданно обрела форму письменного слова, создавая нарратив самоописания и саморепрезентации – прежде описание и интерпретация

---

* Эта статья написана в рамках исследовательского проекта, поддержанного грантом № 437/2000 Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation и гранта ACLS. Я благодарен Джону Клиеру и Марине Могильнер за ценные советы и комментарии.

преступных деяний были прерогативой репортеров и полиции. Казалось, что “язык преступного мира” записывался самими налетчиками и, минуя посредничество газетчиков и юристов, становился достоянием широкой публики. Теперь все было готово к появлению художественных произведений, осваивающих новое языковое пространство и социальную реальность, придавая популярной в Одессе теме налетчиков статус общенационального мифа: писателям оставалось лишь заговорить на языке, который приобрел самостоятельный статус после того, как был записан его носителями. Именно это и произошло всего через несколько лет, когда, благодаря Исааку Бабелю и Михаилу Паустовскому, Илье Ильфу и Евгению Петрову, Вениамину Каверину и Леониду Утесову появился миф о бравых одесских налетчиках. Как и положено, миф преобразует и расцветивает породившую его реальность, однако подлинные послания одесских вымогателей ничуть не уступают в экспрессии сочному слогу персонажей Бабеля.

Итак, 15 января 1915 года потомственный почетный гражданин Николай Петрович Расторгуев получил письмо с угрозами: “Барон миллионеров, мы ждали товарища свободы. Но увы, теперь тебе позорная смерть – жди.” (Скорее всего, письмо отправили сообщники налетчика Григория Григораша, которого накануне осудили на 3,5 года за налет на квартиру Расторгуева 18 января 1914 г.) В тот же день Рувин Аронович Биргер получил письмо от кружка “анархистов-коммунистов” с требованием 25 рублей и угрозами в адрес двух его сыновей. И в этот же день Борух Мойсеевич Аронберг представил в полицию письмо, полученное им накануне:

13 января 1915 года. Господин Борис Аронберг чего вы не положили под лестницей где лавка деньги, лучше вы положите а то будет плохо если вы хотите положить то положите 5 ч. января я вам одно письмо написал, чтобы вы положили 100 руб. а иначе мы вас уьем и ограбим. С почтением черной шайки помощник Зелим-Хан-Шура.

(И нарисованы 2 человеческие головы).¹

Через неделю жена капитана Евдокия Гринько представила в сыскную полицию писанное карандашом письмо: “Вам грозит смерть принесите деньги 500 руб. 24 января буду ждать вас в 12 час. дня тогда Вас оставлю в покое буду на углу Б-Арнаутской и Канатной я всюду слежу за Вами.” Еще через три недели принес письмо с угрозами Дмитрий Большаков:

Многоуважаемый Дмитрий Ефимович. Прошу вас если вы хотите избежать той гибели, которая в настоящий момент вам предстоит, то только вы можете избавиться если внесете пять 500 р. по нижеуказанному

¹ Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве (далее ЦГИАУ). Фонд 385. Одесское жандармское управление. Оп. 1. Т. 2. 1904-1908 гг. Ед. хр. 173. Донесение начальника сыскной части Одесской городской полиции об убийствах, грабежах и других происшествиях по гор. Одессе. 12 января 1915 – 4 января 1916 гг. Л. 2.

месту, если же вы этого не исполните, то будете убиты когда вы идете на службу или со службы... Деньги представите Коблевская № 26 кв. 2 Филиппу Малярчику...²

Затем на два месяца воцарилось затишье. Новая вспышка вымогательской корреспонденции отмечается только в конце апреля. 24 апреля купец Хаим Пекелис принес в полицию такое письмо:

Г. Пекелис просим вас немедленно дать откупа 100 руб. или смерть деньги положите возле театра Аполло. Мы много не берем шайка никтертертер в воскресенье 26 апреля 8 час. вечера.³

27 апреля принес аналогичное письмо купец Александр Кузнецов:

Милый Алексаша. Раздай на военные нужды 2000 р. и об этом должно быть напечатано в Одесской почте иначе ты будешь убит в течении 3-х дней не прибегай к помощи полиции. Преемник Арсэна Люпена.⁴

14 мая жена капитана Гринько получила второе письмо с угрозами: “Мы затихли теперь снова мы начинаем действовать на первом плане Гринько, Париеико и Лозинская, шайка “Черная рука” шайка требует у Вас 700 рублей денег...”⁵ А 23 мая письмо с требованием 15.000 рублей от имени “черной руки” принес бухгалтер мануфактурного магазина наследников Пташников, Трофим Павлович Стасенко. Но его “черная рука” писала совсем другим подчерком, на другой бумаге, внизу вместо черной корявой лапы был нарисован неуклюжий череп с перекрещенными саблями...⁶

10 июня получил по почте угрожающее письмо Карл Христофорович Топалов:

Смерть или жизнь
Карл Христофорович Топалов!

Ночью 12го июня мы должны с вами покончить убиты вы будете или войдем во двор собаки будут отравлены или же взломаем окно ваше залезим и с вами покончим, но чтобы не допускать до убийства приготовьте 500 рублей мы у вас их пока возьмем и временно дело кончим, не думайте что вы заявите полиции мы этого не боимся и каторга нам не страшна.

Словом мы на днях будем [пропивать?] деньги они у вас есть мы знаем все.

От нас братьев разбойников.⁷

Вновь почти месячный перерыв, отмеченный очень вялой активностью преступного элемента. 6 июля владелец аптеки дворянин Антон Гаевский пред-

² Там же. Лл. 6-6 об.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 17.

⁶ Там же. Л. 18.

⁷ Там же. Л. 43.

ставил в полицию украшенное корявыми завитушками письмо с требованием 25 р. на имя кассирши аптеки Марии Пешинской:

Милостивая государыня, г-жа Кассирша по приказание моего письма исполнить мою просьбу дать мне двадцать пять рублей денег 26 р. ...Я думаю лутче дать 25 р. чем продать свою жизнь.⁸

И вновь затишье, редкие драки, дебоши подгулявших офицеров... 4 сентября 1915 года Фрейда-Тауба Симоновна Бомзе также получила письмо анонимных шантажистов:

Здравствуйте мадам Бомза Хана от вас мы просим чтобы вы нам вынесли 300 руб. [...] в случае отказа будет в вашу квартиру брошена бомба пока не получим от вас это что требуем, то будет ваш дом от бомб разнесен немедленно в казанное число доставить 300 руб. будем втроем сидеть на станции.⁹

И снова спадает накал страстей на страницах донесений сыскальной полиции, регистрируется хулиганская выходка солдата на рынке, кража типографского шрифта. А в январе 1916 года фиксируется новая вспышка распространения вымогательных писем от имени "Черной маски", "Черной руки" и прочих персонажей, избегающих цвета хаки...¹⁰

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДА

1. "НУЛЕВАЯ СТЕПЕНЬ" ПИСЕМ И "ГРАНД-НАРРАТИВ" ОДЕССКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Появление "одесского мифа" о разудалых одесских налетчиках, в основном евреев по происхождению, явилось не только важным фактом развития советской литературы. Этот миф оказался востребованным историками (как в России, так и за ее пределами), которые пытались осмыслить девиантное поведение в Одессе как целостное явление. Дело в том, что даже в столь редкой своей – письменной – форме преступление остается такой же непроницаемой для понимания дискурсивной "черной дырой", как и другие феномены, недоступные опыту внешнего наблюдателя: самоубийство (и вообще смерть), безумие, сознание животных или принципиально чуждых культур... Одесский миф является первым кандидатом на роль обобщающего метанарратива, набора универсальных тропов и интерпретаций, благодаря предельному "реализму" своей поэтики.¹¹ Действи-

⁸ Там же. Л. 25.

⁹ Там же. Л. 33.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 231. Дело об убийствах, поджогах, грабежах и других происшествиях в гор. Одессе. 2.01. – 13.12.1916 гг. Лл. 5, 6, 11, 71 и пр.

¹¹ Можно предположить, что доверие именно к исторической достоверности одесского мифа было бы много меньшим, если бы он оформлялся в рамках романтической или декадентской литературной традиции.

тельно, разве не напоминает письмо от “Зелим-Хан Шуры” Борису Аронбергу цитату из вымогательского письма Бени Крика – ведь именно так, а не наоборот, воспринимает ситуацию современный исследователь:

Типичный налет в Одессе начинался с вымогательного письма, которое получал владелец предприятия... В этом письме вымогатель требовал, чтобы владелец собрал назначенную сумму денег и доставил ее в указанное место. Такие письма неизменно содержали некоторые из тех штампов, которые встречаются в деловых письмах.¹²

Исследование одесских полицейских архивов и газет начала века свидетельствует о том, что широкое распространение вымогательские письма получили лишь во время первой мировой войны, когда усиленные меры безопасности в стратегически важном портовом городе Одессе крайне затруднили проведение традиционных налетов. В 1912-1913 гг. зафиксированы единичные случаи получения горожанами писем шантажистов. Всплеск активности почтовых вымогателей весной 1915 г., очевидно, показался начальнику сыскной части Одесской полиции новым и важным явлением – настолько, что он решил посвятить одному из писем отдельное донесение начальству.¹³

Отличительной чертой этого всплеска эпистолярного шантажа после 1914 года был его сугубо криминальный характер: почти все письма подписываются от имени всевозможных разбойников, шаек “черной руки” и прочих персонажей популярной приключенческой литературы. Преступники не скрывают, что требуют денег ради личного обогащения.

Напротив, в период после первой русской революции вымогательские письма были характерны не для заурядных аферистов, а “идейных” анархистов-экспроприаторов (письма должны были документировать “высокие” цели налета), и даже заурядные шантажисты прикрывались революционной фразой.¹⁴ Позднее вымогательские письма начинают ассоциироваться с молодежным хулиганством.¹⁵ Очевидно, что некоторые из процитированных писем 1915 года

¹² Boris Briker. *The Underworld of Benia Krik and I. Babel's Odessa Stories* // Canadian Slavonic Papers. 1994. Vol. 36. Nos. 1-2. P. 119.

¹³ ЦГИАУ. Фонд 385. Одесское жандармское управление. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 18.

¹⁴ Например, большая часть вымогательных писем весной 1909 г. посылалась от имени революционных групп. См.: Там же. Оп. 1. Ед. хр. 2415.

¹⁵ Так, в начале 1910 г. меховой магазин Н. Бушулянова на Дерибасовской трижды становился объектом вымогательства со стороны подростков. Сначала к управляющему магазину Глазуну явились пятнадцатилетний Осип Гринберг и четырнадцатилетний Шулим Шатайло с подложным письмом от торгового дома “Л. С. Рабинович”, в котором предлагалось выдать подателям 75 рублей. Мальчиков задержали. См. Юные аферисты // Голос Одессы. 1910. № 207. 30 янв. С. 3. Спустя месяц управляющий получил по почте письмо, в котором неизвестный автор под угрозой смерти требовал 100 р. На обороте листа стояло: “Долой Толмачева губернатора и смерть”, “Долой Зарубаева” и была нарисована могила с крестом и подпись “Молодая Воля”. Выясни-

(Милый Алексаша... Преемник Арсэна Люпена...) являлись, скорее, аналогами современного телефонного хулиганства/терроризма, юный автор явно читался дешевых детективов из иностранной жизни, про благородных апащей.¹⁶ Никаких налетов вслед за получением письма с угрозами в 1910-х годах обычно не фиксировалось.

Корявый, но экспрессивный язык писем на самом деле распадается на разные диалекты “одесского русского”¹⁷: тех, для кого родным был идиш, и тех, кто привык разговаривать на украинском и суржике, а также тех “русских”, кто просто не владел письменным языком... Бабелевский смачный язык еврейских обитателей Молдаванки – столь же искусственная конструкция, сколь и наблюдательное воспроизведение реальных речевых оборотов реальных одеситов (но не обязательно евреев). Да и само расхожее представление о том, что прототипом Бенциона Крика был налетчик Мишка Япончик (Винницкий) является лишь мифом: десять лет вплоть до февральской революции Михаил (Мойсей Вольфович) Винницкий сидел на каторге за участие в анархистских “эксах” в ранней юности, его карьера короля Молдаванки длилась чуть больше года, трагически оборвавшись в 1919 г. В то же время, ни о каком воровском синдикате в Одессе (а бабелевский Беня Крик воплощает именно миф о еврейской организованной преступности) до революции 1917 г. не могло идти и

лось, что письмо писал мстительный Шулим Шатайло. Выпущенный после первого ареста на поруки, он сознался в новом преступлении и был арестован. См.: Юный “анархист” // Голос Одессы. 1910. № 233. 25 февр. С. 3. Прошло чуть больше двух недель, и к управляющему магазина явился прилично одетый молодой человек, вручил письмо и скоро удалился. В письме под угрозой смерти от имени анархистов-коммунистов требовалось 75 рублей. Когда молодой человек явился за деньгами, он был арестован (обычный итог большинства вымогательских историй). Он оказался семнадцатилетним жителем Херсона Федором Флоркиным, объяснившим, что, за неимением никаких средств к жизни, решил “так” поступить. Анархисты “на горизонте” // Голос Одессы. 1910. № 249, 13 марта. С. 4. Очевидно, что выбор жертвы шантажа (а также маски налетчика) был сделан под воздействием предыдущих публикаций в газете.

¹⁶ Арсен Люпен – персонаж авантурных детективов французского писателя Мориса Леблана (Maurice Leblanc, 1864-1941), начинавшего репортером в “Фигаро”. Люпен – отважный, хитрый, проницательный и остроумный джентльмен-грабитель. Первый рассказ о Люпене вышел летом 1905 г., и вскоре этот персонаж стал широко известен в России. В последние годы в России вышло несколько переизданий романов Леблана об Арсене Люпене: Графиня Калиостро. Семь приключений Арсена Люпена. Москва: Амфора, 2000; Арсен Люпен – благородный грабитель. Москва: Вагриус, 2001.

О влиянии детективных историй, развивавших тему “свободы и восстания” (против общественных норм), на российского дореволюционного читателя см. Jeffrey Brooks. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861-1917. Princeton, 1985. P. 166 и след.

¹⁷ “Odessa Russian”, по выражению Роберта Ротштейна: Robert A. Rothstein. How It Was Sung in Odessa: At the Intersection of Russian and Yiddish Folk Culture // Slavic Review. 2001. Vol. 60. No. 4. P. 782 и след.

речи – и не шло: ни в полицейских документах, ни на страницах одесских газет.¹⁸

Одесский миф, безусловно являющийся самостоятельным культурным феноменом, не может и не должен оцениваться с точки зрения степени его соответствия “исторической реальности”. Живя своей судьбой и обладая собственной историей, он не может помочь исследователю собрать разрозненную мозаику эпизодов этнической еврейской преступности в Одессе воедино, в некую комплексную модель.

2. По ту сторону уголовной статистики

Прямой противоположностью художественному мифу и реальной альтернативой ему кажется сухая и точная наука статистики. Действительно, собранные официальными лицами цифры рисуют более нюансированную картину по сравнению с крупными мазками экспрессионистского полотна литературного одесского мифа.

В начале XX века евреи стабильно составляли одну треть бурно растущего населения Одессы (за пятнадцать лет с 1897 г. по 1912 г. число жителей города выросло на 50%, доля же евреев среди одесситов колебалась в пределах 31-35%). В 1912 г. из 620 тысяч жителей Одессы евреи составляли 200 тысяч, представляя вторую по численности группу населения после русских.¹⁹ В то же время, в 1913 г. в Одесском судебном округе было осуждено за разные преступления всего 122 лица иудейского вероисповедания (в Киевском – 222, а в Варшавском даже 659 евреев).²⁰ За решетку отправили 21 рецидивиста-еврея

¹⁸ Впрочем, идея координируемого преступного сообщества (но архаического, в духе представлений о городских шайках XIX века) нашла отражение в бульварной литературе. Например, неоднократно переиздававшееся произведение бывшего полицейстера Одессы Антонова (псевдоним Правдин) “Одесские трущобы” вплетает реальные эпизоды городской криминальной хроники в вымышленный сюжет: в знаменитых одесских катакомбах обитает преступный сброд, во главе которого стоит злодей Зикандр, он же светский лев граф Эмануил Брендостели. Его ближайшим подручным является еврей Харин, выбившийся в высшее общество благодаря богатству, добытому преступным путем. См.: В. М. Антонов (Правдин). Одесские трущобы (подземный город). Роман из уголовной хроники в двух частях. Издание второе. СПб., 1900.

Вообще в романе Антонова-Правдина тема коррумпированности одесского “общества” и опасной проницаемости социальных границ является просто навязчивой. Эта озабоченность одесского общества темпом и масштабами социальной мобильности хорошо прослежена на материалах двух одесских газет 1910-х годов в диссертации Рошанны Сильвестр: Roshanna Patricia Sylvester. *Crime, Masquerade, and Anxiety: The Public Creation of Middle-Class Identity in Pre-Revolutionary Odessa, 1912-1916* / Ph.D. Dissertation; Yale University, 1998.

¹⁹ Patricia Herlihy. *Odessa: A History, 1794 – 1914*. Cambridge, MA., 1986. P. 251.

²⁰ Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образован-

и 116 рецидивистов-“русских” (православных).²¹ Как видим, согласно судебной статистике, роль еврейского элемента в городской преступности была незначительной, во всяком случае, много ниже пропорции еврейского населения города.

Впрочем, официальная статистика никак не подтверждает и славы криминальной столицы “Одессы-мамы”. В 1913 г. процент осужденных к общему числу горожан был в Одессе почти в два раза ниже, чем в Нижнем Новгороде, уступала Одесса по криминальности населения Казани и Баку.²² Никак не отмечает повышенную криминогенную обстановку в Одессе и такое ведомственное издание, как “Вестник полиции”. Что действительно выделяло Одессу на фоне других местностей империи, так это беспрецедентный прирост судебных дел в начале XX века (вполне соответствующий, впрочем, необыкновенной социальной динамике города): с 1901 по 1905 гг. ежегодное количество дел, заведенных в Одесском судебном округе, выросло на 49% (в то же время в Московском округе прирост составил 37%). Число дел о телесных повреждениях выросло за 20 лет (1885-1907) в 4-5 раз.²³ То есть можно говорить о том, что жизнь в одном из наиболее динамично развивавшихся городов Российской империи была отмечена комплексным социальным стрессом, вызывавшимся (наряду с острым жилищным кризисом и проблемой занятости) также и ростом преступности, которая, однако, не превышала среднероссийского уровня.

Евреи вообще никак не выделялись в общеимперской криминальной статистике: процент евреев среди осужденных колебался в пределах 3.4-3.9%,²⁴ т.е. был чуть меньше доли евреев среди населения империи (4.15% в 1897 году). Сомнительное первое место по числу арестантов на каждые сто тысяч представителей данной этнической группы в 1909-1913 гг. принадлежало полякам, а за ними следовали русские, латыши и литовцы; еврей, как правило, демонстрировал показатели ниже среднего по империи. Так, если в 1913 г. в среднем по России на каждые 100.000 человек приходилось 104 осужденных, то из каждых 100.000 евреев только 97 были осуждены, а из каждых 100.000 поляков – 130. В то же время еврей не были и образцом законопослушности, так как в том же году этот показатель для тюрко-мусульманских народов, к примеру, составил только 55 человек.²⁵

ных по законоположениям 12 июля 1889 г. За 1913 год. Пг., 1916. Часть 1. О подсудимых по окружным судам и судебным палатам. С. 37.

²¹ Там же. С. 202-203.

²² На 100.000 горожан в Одессе приходилось 224 осужденных, в Баку – 353, в Казани – 384, а в Нижнем Новгороде 400 осужденных. См.: Там же. С. 50.

²³ Е. Тарновский. Сведения о движении преступности и о числе рецидивистов за 1885-1907 гг. // Тюремный вестник. 1909. № 1. С. 58, 59.

²⁴ Данные за 1909-1913 гг. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 г. За 1913 год. С. 41.

²⁵ Там же. С. 42.

Таким образом, официальная судебная статистика лишает проблему еврейской криминальности не только сенсационности, но и какой-либо исключительности: цифры рисуют ситуацию, лишь незначительно отклоняющуюся от нормы, причем в сторону большей законопослушности евреев. Однако, как известно, криминальная статистика, а тем более судебная, может являться лишь косвенным индикатором общей динамики преступности. Далеко не все арестанты становятся осужденными, не все преступники арестовываются, значительная часть преступлений вообще не регистрируется (особенно экономические или сексуальные).²⁶ В случае полиэтнической империи и такого многонационального города, как Одесса, уголовная статистика не может рассматриваться даже в качестве надежного свидетельства “относительной криминогенности” того или иного этноса. Официально регистрируются в основном деликты, последствия которых выходят за пределы данной общины, или те конфликты, которые не могут быть урегулированы в рамках официальных или неофициальных структур самоуправления. Поэтому статистика количества правонарушений или судебных приговоров на сто тысяч представителей той или иной этнической группы свидетельствует скорее о степени интегрированности данной этнической группы в институциональную структуру государства: именно этим, очевидно, объясняется невероятно низкий уровень осужденных среди “горячих” тюркских народов Кавказа по сравнению с народами западных окраин (поляками и прибалтами) – в 2,5 раза! Также и в случае Одессы цифры осужденных евреев могут оказаться значительно заниженными по сравнению с цифрами осужденных русских. Таким образом, официальная статистика является второстепенным источником для изучения роли еврейской криминальности внутри еврейской общины в Одессе.

Остается опираться на источники, с трудом поддающиеся ретроспективной статистической обработке: газетные публикации и полицейские отчеты. Основываясь на анализе содержания всего двух популярных одесских газет (из нескольких дюжин выходивших в городе), Рощанна Сильвестр убедительно воссоздает атмосферу виртуального присутствия еврейской криминальности как постоянного фактора городской жизни в Одессе.²⁷ Регулярные (два раза в неделю) донесения начальника одесской сыскной полиции в Жандармское Управление о значительных происшествиях, зафиксированных полицией, являются более репрезентативным источником, хотя в нем далеко не всегда указывается этничность или вероисповедание упоминаемых лиц (что заставляет обращаться к традиционному “имперскому” приему определения националь-

²⁶ Сравнивая статистику осужденных за год преступников с имеющимися данными о задержаниях уголовников (правда, относящимися к несколько более позднему периоду), можно предположить, что число осужденных было по крайней мере в 2-2.5 раза меньше числа арестованных полицией правонарушителей.

²⁷ См. Roshanna Patricia Sylvester. *Crime, Masquerade, and Anxiety: The Public Creation of Middle-Class Identity in Pre-Revolutionary Odessa, 1912-1916* / Ph.D. Dissertation; Yale University, 1998, особенно Глава 5, “City of Thieves”.

ности по имени и фамилии). Даже если рассматривать донесения прежде всего как нарративный источник, обращает на себя внимание значительный удельный вес “еврейских” сюжетов.²⁸ Можно с достаточной степенью уверенности говорить о том, что, по информации сыскной полиции (которая, кстати, никак дискурсивно или символически не выделяла этноконфессиональный аспект регистрируемых происшествий), евреи играли значительную роль в общей криминальной ситуации, часто давая 25-50% зафиксированных случаев.

3. ПРЕСТУПЛЕНИЕ БЕЗ НАКАЗАНИЯ?

Возникает закономерный вопрос: что же рассматривать как преступление сегодня, спустя сто лет после описываемых событий, можем ли мы полностью отождествляться с нашим наиболее ценным источником (доклады начальника сыскной полиции), принадлежащим представителю правоохранительных органов Российской империи? С этим вопросом связан и следующий – что мы можем узнать в результате анализа структуры еврейской “преступности”: криминальные склонности одесских евреев как этнической группы или специфику “репрессивной политики” российского государства по отношению к евреям?

Эмилю Дюркгейму принадлежит заслуга “нормализации” феномена преступности как неперемного элемента социальной организации любого общества,²⁹ несмотря на крайне двусмысленные формулировки,³⁰ подчас тавтологически сводящие суть преступления к нарушению юридических установлений.³¹

²⁸ Впрочем, в годы войны сыскное отделение начинает составлять регулярные статистические сводки, дающие представление о масштабах и характере зафиксированных правонарушений. Так, за одну рабочую неделю в январе 1916 г. городское сыскное отделение задержало 232 человек: 35% из этого числа составили уголовники, 25% – дезертеры и уклоняющиеся от воинской повинности, 9% – бродяги. См.: Заметка о деятельности сыскной части гор. Одессы и полицейских участков по задержанию в пределах градоначальства подозрительных личностей с 13 по 19 января 1916 г. // ЦГИАУ. Фонд 385. Одесское жандармское управление. Оп. 1. Ед. хр. 231. Лл. 33-33 об.

²⁹ “Не существует общества, которое не сталкивается с проблемой преступности... Вопреки распространенным взглядам, преступник более не рассматривается как полностью асоциальное существо, разновидность паразитического элемента, чуждое и неассимилируемое тело, внедрившееся внутрь общества. Напротив, он играет определенную роль в социальной жизни.” Emile Durkheim. *The Rules of the Sociological Method* // George Simpson. *Selections From His Work*. New York, 1963. Pp. 62, 63.

³⁰ “Мы не должны говорить, что деяние потрясает коллективное сознание, потому что преступно, но, скорее, что оно преступно потому, что потрясает коллективное сознание. Мы не осуждаем его потому, что это преступление, а оно является преступлением, так как мы осуждаем его.” Emile Durkheim. *The Division of Labor in Society* // Anthony Giddens. *Emile Durkheim: Selected Writings*. London, 1972. Pp. 123-124.

³¹ “Таким образом, не существует феномена, который представляет более бесспорно все симптомы нормальности [чем уголовная репрессия], поскольку он оказывается тесно связанным с условиями всей коллективной жизни”. Emile Durkheim. *The Rules of the Sociological Method* // George Simpson. *Selections From His Work*. New York, 1963. P. 62.

В XX веке, начиная с классической ранней работы Питирима Сорокина “Преступление и кара, подвиг и награда” (1913-1914 гг.), преступление рассматривалось социологами – вне зависимости от общих методологических предпочтений того или иного автора – как нарушение норм (правовых, культурных и пр.), принятых в данном обществе. Для примера рассмотрим трех очень разных исследователей, сменявших друг друга в роли кумиров в обществоведении, чьи идеи сохраняли свое значение и актуальность и после того, как проходил пик популярности.

“Иначе говоря, *преступные или запрещенные акты суть акты, противоречащие “дозволенно-должному” шаблону поведения,*” – писал Сорокин перед первой мировой войной.³² В дальнейших своих работах Сорокин уточнял, что речь идет о критике позитивизма, а не о полном релятивизме, ибо существуют типы деяний (убийство, членовредительство, грабеж и т.д.), которые признавались преступлением во всех проанализированных им уголовных кодексах второго тысячелетия нашей эры.³³

Т. Парсонс подходил к определению понятия преступления по-другому, через теорию девиантного поведения, основанную на модели состояния равновесия открытых социальных систем и психологии индивидуальной мотивации (он пытается разделять личность субъекта на “ego” и “alter”, приписывая каждой половинке собственную стратегию поведения, будто имеет дело с реальными фигурами).³⁴ Но и такой комплексный подход отличается тем, что девиация (и преступление) определяется через определение нормы или состояния “равновесия”.

Наконец, Мишель Фуко в книге, ценной скорее как социологическое, нежели историческое исследование, определяет преступление очень близко к Сорокину, как то, что общество объективизирует и кодифицирует как деликт, как все, что выходит за рамки навязываемого обществом индивиду нормативного дискурса социализации (“дозволенно-должному шаблону поведения”, на языке Сорокина).³⁵ Таким образом, вне зависимости от подхода (конструктивистского, функционального, ярлыкового [labeling]), доминирующие социологические системы описывают преступление негативно, как девиацию от принятой в обществе нормы или достигнутого состояния равновесия социальной системы. Получается, что преступление – не преступление, если за него не предусмотрено наказание...

Тем самым избегается опасность попадания в дискурсивную “черную дыру” определения “сущности” преступления, но зато история преступности лиша-

³² Цитируется по современному изданию: П. А. Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. Москва, 1992. С. 76.

³³ См.: Pitirim A. Sorokin. Social and Cultural Dynamics. Vol. 2. Fluctuation of Systems of Truth, Ethics, and Law. New York, 1962 (©1937). Pp. 576-577, et al.

³⁴ См. напр.: Talcott Parsons. The Social System. New York and London, 1964 (©1951). Pp. 249-257, et al.

³⁵ Michel Foucault. Discipline and Punish. The Birth of the Prison. Harmondsworth, 1977.

ется четкой методологической основы. В конце 1970-х годов казалось, что с публикацией важных исследований английских историков (прежде всего Э. П. Томпсона) и “Рождения тюрьмы” Фуко формируется новое направление исторических исследований: изучение преступления и наказания в Новое время.³⁶ В то же время, перспективы этого направления были омрачены тем обстоятельством, что концептуально новые истории преступления вписывались в общие схемы социального развития, которые *ad hoc* приспособлялись к весьма специфическому материалу.³⁷ Итог этой “методологической недостаточности” был подведен двадцать лет спустя:

За исключением Британии и Соединенных Штатов, современный период [начиная с XIX века] почти не вдохновил написание сколько-нибудь значительных работ, несмотря на обилие стандартизированного материала. Количество основополагающих исследований по истории преступности в современной Европе можно сосчитать по пальцам одной руки.³⁸

Одним из следствий отсутствия универсальной модели становится затрудненность или даже невозможность компаративных исследований преступности: международных или межэтнических (в рамках одной страны).³⁹ Конечно же, на пустом месте, “из себя” и по заказу, теории такого рода не изобретаются.⁴⁰ Однако уже сейчас понятно, какой примерно *должна быть* новая теория, чтобы помочь в концептуализации эмпирического материала, с которым сталкиваются сегодня исследователи криминального:

- (1) Не хватает теории, которая позволяла бы анализировать продуктивные результаты преступления.
- (2) Не хватает теории, которая учитывала бы также неизбежность преступлений.
- (3) Не хватает теории, которая отделяла бы преступление и нарушителя от негативного смыслового контекста, не впадая при этом в тривиализацию и самодовольный конструктивизм.

³⁶ См. Patricia O'Brien. Crime and Punishment as Historical Problem // Journal of Social History. 1978. Vol. 11. Pp. 508-520.

³⁷ Ср.: “теоретический инструментарий, используемый и создаваемый многими исследователями в этой области, все еще находится на примитивном уровне развития.” Там же. P. 508.

³⁸ Xavier Rousseaux. From Medieval Cities to National States, 1350-1850: The Historiography of Crime and Criminal Justice in Europe // Clive Emsley and Louis A. Knafla (Eds.). Crime Histories and Histories of Crime: Studies in the Historiography of Crime and Criminal Justice in Modern History. Westport, CT, 1996. P. 4.

³⁹ См. Michael Tonry. Ethnicity, Crime, and Immigration // Michael Tonry. Ethnicity, Crime, and Immigration: Comparative and Cross-National Perspectives. Chicago, 1997. Pp. 4-5, et al.

⁴⁰ А если изобретаются, то с плачевными последствиями. См. самонадеянную попытку такого рода (авторы даже в сносках не упоминают М. Фуко и другие признанные авторитеты криминальной социологии): Michael R. Gottfredson and Travis Hirschi. A General Theory of Crime. Stanford, CA, 1990.

(4) Более того, не хватает теории, которая также позволяла бы учитывать позитивные аспекты социального контроля со стороны уголовного права.

(5) Наконец, в особенности не хватает согласованной теории, которая бы пыталась подтвердить неразделимую связь между преступлением, социальной структурой и семантикой общества.⁴¹

По сути, речь идет о том, что необходимо каким-то образом концептуализировать конструктивную роль криминальности и объяснить ее имманентный любому социуму характер – не впадая при этом в пессимистический нигилизм или, напротив, аморальную апологетику. (В том, что сам факт существования преступности обеспечивает процветание страховой индустрии, производителей средств защиты и систем безопасности, СМИ, консервативных политических партий и т.п., сомневаться не приходится.)⁴² В ожидании появления новой теории, действительно удовлетворяющей перечисленным требованиям, обратим внимание на ее элементы, содержащиеся в работах упоминавшихся выше классиков современной социологии.

Во-первых, это идея преступления как важного фактора социальной интеграции и адаптации. По словам современного исследователя, пытающегося наметить контуры новой теории преступности, “преступление служит для координации отношений между разными дискурсами и системами. Это делает его конструктом, который направляет большую часть коммуникации внутри общества...”⁴³ Такой подход к определению “не-деструктивных” (скажем осторожно) функций преступности можно найти у Парсонса: он определяет “девиантность” социальной системы через тенденцию к изменению состояния открытой системы или установлению нового равновесия между взаимодействующими силами.⁴⁴ То есть преступность заставляет отдельные социальные силы (акторов) и общество в целом “перенастраиваться” с учетом выявленных дефектов системы, формировать нормативные дискурсы о том, что считать приемлемым, а что нет, вступать во взаимодействие (пусть и через конфликт) с социальными группами и явлениями, которые иначе игнорировались.

Во-вторых, уже Питирим Сорокин описывал феномен социального взаимодействия и возникновения социальных структур как процесс спонтанной самоорганизации, происходящий постоянно и независимо от доминирующих в обществе представлений и ценностей.⁴⁵ Устойчивость новообразованных структур зависит от многих факторов (успешность самообучения методом

⁴¹ Kai-D. Bussman. Variation, Selection and Stabilization: An Evolutionary Theory of Crime and Control // Susanne Karstedt and Kai-D. Bussman (Eds.). *Social Dynamics of Crime and Control: New Theories for a World in Transition*. Oxford and Portland, Oregon, 2000. P. 244.

⁴² Там же. P. 251.

⁴³ Там же. P. 253.

⁴⁴ Talcott Parsons. Op. Cit. P. 250 et al.

⁴⁵ См. напр.: Pitirim Sorokin. *Society, Culture, and Personality: Their Structure and Dynamics*. A System of general Sociology. New York and London, 1947. Pp. 371-372, et al.

проб и ошибок, взаимодействие с окружающими структурами и т.д.), но в принципе можно предположить, что постоянно возникают ассоциации индивидуумов и структуры поведения и деятельности, которые противоречат доминирующим в обществе представлениям о норме. Даже если каждая “организация” в отдельности существует непродолжительное время, сам фактор присутствия “нарождающегося” антисистемного поведения оказывается постоянным.

Мне хотелось бы остановиться подробнее на этом последнем аргументе. Точнее было бы предположить, что, подобно существующей в природе фоновой радиации, не связанной напрямую с отдельными катаклизмами вселенского масштаба, существует некий фоновый уровень “самодетельной социальной активности”, которая возникает спонтанно в любом человеческом коллективе и существует постоянно. В принципе, эта идея присутствует имплицитно и у Парсонса, особенно если его концепцию взаимодействия открытых социальных систем скорректировать с учетом современных представлений об этом процессе, сформулированных в рамках синергетики.⁴⁶ Любое взаимодействие

⁴⁶ В конце 1970-х годов так называемая “Брюссельская школа” (или школа Пригожина) сформулировала основной постулат нового понимания динамических процессов в открытых системах: “состояние неравновесия может быть источником порядка”. См. Gregoire Nicolis, Ilya Prigogine. *Self-Organisation in Nonequilibrium Systems: From Dissipative Structures to Order through Fluctuations*. New York, London, Sydney, Toronto, 1977. P. 3.

Опираясь на исследования сложных химических процессов и теорию информации, коллеги Пригожина концептуализировали состояние хаоса, неравновесия как норму для открытых систем (для Парсонса это как раз исключение и девиация), которая порождает структурированный порядок в результате эволюции и отбора: “Мы оказываемся в мире, в котором обратимость и детерминизм находят применение лишь в ограниченных, простых случаях, в то время как необратимость и случайность являются правилом.” “Существование неустойчивости может рассматриваться как результат флуктуации, которая сначала обнаруживается в небольшой части системы, а затем распространяется и ведет к новому макроскопическому состоянию.” Ilya Prigogine and Isabelle Stengers. *Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature*. London, 1985. Pp. 8, 178.

В дальнейшем теория самоорганизации, постоянного возникновения “порядка из хаоса” была адаптирована к социальным системам, для которых она оказалась едва ли не более подходящей, чем для природных явлений. Ср.: “...естественно предположить, что динамические модели, допускающие эволюцию и изменение, должны быть наиболее адекватны в случае социальной системы. Динамическая модель человеческого общества исходит из осознания, что, в дополнение к ее внутренней структуре, система прочно укоренена в окружающей среде, с которой она обменивается материей, энергией и информацией.

...Эволюция такой системы является взаимодействием между поведением ее акторов и навязываемыми окружающей средой ограничениями. Именно здесь человеческая система обнаруживает свою уникальную специфику. В отличие от молекул, действующих элементов физико-химических систем и даже муравьев..., человеческие существа формируют индивидуальные проекты и желания.” Gregoire Nicolis, Ilya Prigogine. *Exploring Complexity: An Introduction*. New York, 1989. P. 238.

индивидов и коллективов вызывает к жизни стратегии поведения, от элементарных до сложных, которые направлены на распределение экономических ресурсов и организацию иерархии подчинения.

Перефразируя Фуко, можно говорить о некой “*первобытной* экономике права”, которую можно наблюдать и у малышей в детском саду, самостоятельно устанавливающих порядок пользования игрушками или качелями, иерархии “*сильных*”, “*ловких*”, “*нарядных*” и т.п., и в очереди взрослых за дефицитом (билетами или водкой). В данном случае речь идет не просто о существовании “*моральной экономики*” в понимании Э. П. Томпсона (т.к. речь идет не о том, *кто* устанавливает правила – писанный закон или народный обычай), а о том, что порядок возникает из “*непорядка*”, “*до-порядка*” постоянно и всюду, спонтанно. Зачастую эта самоорганизация никак не пересекается с нормами, установленными обычным правом или законодательством.⁴⁷ Власть же и уже сформировавшееся структурированное общество, сталкиваясь (в разное время или одновременно) с проявлениями спонтанной самоорганизации “*населения*”, характеризует часть поступков и самостоятельных иерархий как незаконные и “*преступные*”.

В отличие от анархической интерпретации Фуко, преступник с этой точки зрения не просто жертва власти и “*общества*”, монополизировавших право и определение “*нормальности*”. Он оказывается частью структур(ы) и участником действий, которые возникают без санкции и помимо общества и государства и покушаются на достигнутый status quo в обществе и прерогативы институтов по распределению и защите материальных и властных ресурсов. Пример аномического российского общества 1990-х годов особенно красноречив в данном случае, ибо современное и наиболее распространенное значение слова “*авторитет*” (уже даже без обязательного эпитета “*криминальный*”) означает неофициальную, но эффективную систему управления, параллельную и альтернативную институциональной власти. (В то же время в современном контексте высокоинтегрированного американского общества *authority* обозначает именно формальную властную инстанцию).

Интересное развитие этого аргумента содержится в работе американских исследователей Стергиоса Скапердаса и Константиноса Сиропоулоса “*Банды как примитивные государства*”. Авторы вполне осознанно используют синергетическую модель социальной динамики: “*Нашей отправной точкой является анархия, состояние без применимых прав собственности или поведенческих норм, необходимых для предотвращения использования принуждения.*”⁴⁸ Они

⁴⁷ Более того, в ситуации политического вакуума масштабы самоорганизации общества на принципах “*примитивной экономики права*” принимают характер альтернативной государственной структуры, когда система, основанная на принципах дружбы и родства, старейшин и полевых командиров, начинает контролировать огромные территории.

⁴⁸ Stergios Skaperdas and Constantinos Syropoulos. *Gangs as Primitive States* / Research paper. University of California, Irvine, 1993. P. 4.

показывают, как примитивные “государства в государстве” возникают в ситуациях недостаточного или ослабевшего государственного контроля и что в некоторых ситуациях (например, в домодерновый период) действия банд-государств (пиратов или наемников на спорных территориях) даже не рассматриваются государством как преступление.⁴⁹ “Борьба с преступностью” возникает тогда, когда интересы государства пересекаются с интересами самозванных образований, преступник становится врагом всего “общества” не просто потому, что эту роль ему навязывается репрессивным обществом (Фуко), но и потому, что он фактически участвует в “проекте”, предполагающем (в идеале) подчинение или разрушение этого самого “официального общества”. Именно с этими существенными оговорками можно согласиться с интерпретацией домодерновых бандитов Эрика Хобсбаума:

Суть социальных бандитов в том, что они крестьянские изгои, которых землевладелец и государство рассматривают как преступников, но которые остаются в рамках крестьянского общества и воспринимаются его членами как герои, как защитники, мстители, борцы за справедливость, вероятно даже лидеры освобождения, и в любом случае как люди, которыми надо восхищаться, помогать и поддерживать. ... Социальный бандитизм этого вида является одним из наиболее универсальных социальных феноменов, известных истории, и одним из наиболее удивительно однородных.⁵⁰

Хобсбаума не раз упрекали в идеализации “социальной” компоненты архаического бандитизма, поскольку, как показывают исследования, именно местное крестьянское население являлось основной жертвой бандитов, которые зачастую находились на содержании крупных землевладельцев и выполняли функции по охране их собственности и регулированию отношений с эксплуатируемым крестьянством.⁵¹ Однако сама идея “бандитизма” как продукта самодетельности населения (наряду с практиками внутриобщинной кооперации, переделов земельных участков в рамках общины и т.п.) кажется очень продуктивной.

⁴⁹ Одновременно делаются попытки применить модели синергетики и нелинейного развития к проблеме интерпретации криминального поведения и психологии преступника. Очевидно, продолжающие традицию Парсонса такие попытки пока не привели к особо интересным результатам и новому пониманию проблемы, помимо перевода традиционных схем девиантного поведения на язык теории самоорганизации и неустойчивого равновесия открытых систем. См. напр.: Glenn D. Walters. *Crime and Chaos: Applying Nonlinear Dynamic Principles to Problems in Criminology* // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 1999. Vol. 43, No. 2. Pp. 134-153.

⁵⁰ Eric J. Hobsbaum. *Bandits*. Revised Edition. New York, 1981. Pp. 17, 18.

⁵¹ См. напр.: Anton Blok, “Social Banditry Reconsidered” и “Bandits and Boundaries: Robber Bands and Secret Societies on the Dutch frontier (1730-1778)” // Anton Blok. *Honor and Violence*. Cambridge, UK and Malden, MA, 2001. Pp. 14-43.

“ОТ КРОВИ К МОШЕННИЧЕСТВУ” ИЛИ “ОТ НАРОДНИЧЕСТВА – К МАРКСИЗМУ”?

К началу XX века в среде криминологов сформировалось представление о том, что характер преступности изменяется вместе с модернизацией общества в целом и отдельных социальных групп: на смену жестоким и насильственным действиям в отношении личности приходят преступления против собственности (или “white-collar crime”, в современной интерпретации этой теории). Соответственно, среди более примитивных народов доминирует первый тип преступности, а среди цивилизованных – второй. Например, российский общественный дискурс (выраженный в произведениях литераторов-“реалистов”) представлял дело следующим образом: “Татары совершают преступления самые тяжкие: убийства, грабежи и проч., – евреи же преимущественно грешат против собственности.”⁵² (Под татарами понимались не только средневожжские татары и башкиры, но и тюркские народы Кавказа.) Официальная статистика подтверждала это наблюдение: действительно, в 1907 г. за кражу осудили почти в два раза больше евреев, чем татар, зато за убийства – более чем в пятеро больше татар, чем евреев.⁵³ Эти цифры специально комментировались, причем подчеркивалась политическая активность евреев (особенно актуальная в 1907 г.):

Существенные отличия от всех остальных национальностей представляет преступность евреев. На первом месте у евреев стоит кража, но на втором не преступления против порядка управления или телесные повреждения, а – преступления государственные, за которые осуждено около 22% общего числа осужденных евреев. Между тем русских за государственные преступления осуждено только 7% общего числа, литовцев и поляков – менее 5%. Далее, среди евреев сильно развиты: нарушение уставов казенных управлений, мошенничество... С другой стороны, сравнительно мало осуждено евреев за убийство, нанесение телесных повреждений...⁵⁴

Мишель Фуко возводит старое наблюдение криминалистов в основной закон модернизации, описанной с точки зрения борьбы общества со своими врагами:

Фактически, переход от криминальности крови к криминальности мошенничества формирует часть целого комплексного механизма, включающего в себя развитие производства, рост благосостояния, повышение юридической и моральной значимости отношений собственности, более

⁵² П. И. Ковалевский. Психология преступника по русской литературе о каторге. СПб., 1900. С. 110.

⁵³ См.: Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1907 году в судебных учреждениях, действующих на основании уставов императора Александра II. СПб., 1910. С. 42.

⁵⁴ Там же. С. 43.

строгие методы надзора, более плотное разделение населения, более эффективные техники обнаружения и получения информации...⁵⁵

В этой перспективе еврейская криминальность (в частности, в Одессе) должна рассматриваться как свидетельство модернизованности российского еврейства и в то же время его виктимизации со стороны российского государства и общества в целом. Помимо невысокой объясняющей ценности этой гипотезы (что *нового* привносит она в наши представления о российском еврействе или о социальных и этнических границах в Одессе?), она не находит никакого фактического подтверждения. Действительно, в историографии распространено мнение о том, что для черты оседлости был характерен очень невысокий уровень еврейской преступности и низкий градус внутриобщинного насилия. Отсутствие сведений, оспаривающих этот тезис, и распространённость мифа (среди евреев и антисемитов в равной степени) о том, что еврей никогда не навредит еврею, являются основным фундаментом этого мнения.⁵⁶ Однако частично цитировавшиеся выше сведения о еврейской преступности в Одессе рисуют совершенно иную картину: *очень много* евреев участвуют в преступном насилии по отношению к другим людям, в том числе и к евреям.

⁵⁵ Michel Foucault. Discipline and Punish. The Birth of the Prison. P. 77.

⁵⁶ Основным «еврейским грехом» в черте оседлости считалась контрабанда. Еврейские авторы признавали обоснованность этого обвинения, но доказывали на основании официальной статистики, что процент евреев, уличенных в контрабанде, соответствует или даже меньше пропорции еврейского населения в пограничных областях. Ср.: Б. Гольдберг. Еврейская контрабанда в цифровом освещении // Еврейская жизнь. 1904. № 10. С. 120–124; Д. Байрау. Бахус в России // П. А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. Москва, 1998. С. 359.

В то же время, разрозненные публикации в российской иудаике свидетельствуют о том, что при всей своей дискурсивной эксцентричности и маргинальности феномен еврейского насильника все же существовал в реальной жизни черты оседлости и что, возможно, систематический поиск свидетельств и анализ источников сможет реконструировать эту неизученную/замалчивающуюся страницу российской еврейской истории. См. напр.: С. М. Гинзбург. Еврей-разбойник // Еврейский Альманах. Художественный и литературно-критический сборник под ред. Б. И. Кауфмана и И. А. Клеймана. Пг.-М., 1923. С. 125–133.

Помимо еврейской экономической преступности, о которой кое-что известно, и совершенно неизученных преступлений против личности среди евреев черты оседлости, распространенной формой девиантного внутриобщинного поведения было насилие, вызванное религиозными разногласиями, которое, как правило, не классифицировалось как уголовный деликт. Я благодарен Джону Клиеру, который обратил мое внимание на этот важный феномен: евреи **часто** принимали участие в насильственных действиях по отношению друг к другу, например, хасиды и ортодоксы. Характерно, что одним из первых внутриобщинных скандалов в начале истории одесских евреев было избивание не понравившегося раввина; это событие обычно не рассматривается в плоскости уголовного деликта, однако оно предвосхитило позднейшие эпизоды внутриобщинного насилия. См.: Steve J. Zipperstein. Jewish Enlightenment in Odessa: Cultural Characteristics, 1794–1871 // Jewish Social Studies. 1982. Vol. XLIV, No. 1. Pp. 19–36.

Речь идет не об абстрактных дискурсивных проекциях общества на представителей нежелательного сегмента населения, а о реальных побоях, изнасилованиях и убийствах.

Традиционная модернизаторская схема “от криминальности крови к криминальности мошенничества” в данном случае не работает, так как по сравнению с любыми эксцессами в черте еврейской оседлости Одесса выступала в роли одновременно Содомы и Гоморры. Если же учитывать уровень насилия, в котором будут замешаны евреи в период революции, гражданской войны и первых советских десятилетий (участие в бандах и карательных отрядах, военных частях и органах ВЧК-ГПУ-НКВД), то вектор получается просто диаметрально противоположной направленности: от “мирной” контрабанды, воровства и мошенничества – до систематического физического насилия и убийств.

Альтернативный подход к проблеме преступности, рассмотренный в предыдущем разделе, кажется более адекватным одесскому случаю. Рассмотрим его с точки зрения феномена спонтанной самоорганизации населения и проблемы комплексной социальной интеграции.

1. Колонисты

В отличие от других местностей Российской империи, где этнические группы проживали на одной и той же территории столетиями, а традиции государственности насчитывали едва ли не тысячу лет, Одесса в XIX веке представляла собой недавно заселенную *колонию*. Город, возникший практически на пустом месте в причерноморской степи, не могли назвать “исконно своим” ни пришедшие из внутренних губерний великороссы, ни мигрировавшие из сел украинцы, ни бежавшие из местечек в черте оседлости евреи, ни перебравшиеся из Бессарабии молдаване, ни тем более многочисленные греческо-, турецко- и прочие подданные.⁵⁷ Никаких предустановленных сценариев распределения ролей и “полномочий” и освященных обычаем границ между этническими группами в Одессе не существовало.⁵⁸

Имперская власть была представлена в полной мере в Одессе с момента зарождения города, однако для нее были характерны те же домодерные прак-

⁵⁷ По данным переписи 1897 г., подданные иностранных государств составляли почти 5% (20,000 человек) населения Одессы. См. Robert Weinberg. *The Revolution of 1905 in Odessa*. Bloomington, 1993. P. 12.

⁵⁸ Такой важный показатель статуса этноконфессиональных групп в полиэтническом городе, как количество и пространственное расположение культовых зданий, самым радикальным образом выделяет Одессу на фоне других городов империи: накануне первой мировой войны в Одессе действовал 21 православный храм и 16 синагог и крупных молитвенных домов, причем располагались они не в ограниченном пространстве “гетто”, а по всему городу, в том числе и в самом его центре – коммерческом и официальном. См.: *Вся торгово-промышленная Одесса на 1914 г.* Одесса, 1913. С. 35.

тики управления, что и в других областях империи, где немногочисленная администрация опиралась на формальные и неформальные структуры сословного и духовного самоуправления. В Одессе же этнические и конфессиональные общины не имели той высокой степени жесткости и легитимности, что на “большой земле”. Именно полицейские документы с их фиксацией на формальном (сословном) статусе горожан демонстрируют всю абсурдность старых социальных разграничений. Вот лишь несколько взятых наугад случаев: крестьянин Николай Ясинский и дворянин Вениамин Николаев под видом агентов сысской полиции вымогают пять рублей у мещанки Неси Неханкис;⁵⁹ просившая милостыню мещанка Ефросиния Полянская украла у крестьянина Иосифа Кручинского золотые часы за 85 р.;⁶⁰ у мещанина Василия Захарчука на Привозе украли кошелек аж со 170 рублями,⁶¹ а потомственный почетный гражданин Абрам Борецкий промышлял кражей дамских сумочек.⁶² Сословие, род занятий и материальный достаток в этих и многих других случаях вообще никак не коррелируют.

Особенно характерен в данном случае пример евреев, которые в Одессе вели себя совершенно иначе, чем в местечках черты оседлости: любовь к театру и другим светским “космополитическим” развлечениям явно перевешивала религиозность, традиционная общинная замкнутость уступила место открытости социальных взаимодействий.⁶³ Перед одесскими евреями, свободными от узких рамок традиционной местечковой социальности, стояла задача выработки нового, светского и современного, модуса социального и политического поведения, выстраивания внутриобщинных и межобщинных связей. Институционализованная власть была не готова регулировать социальные процессы на микроуровне, что оставляло широкий простор для самостоятельной инициативы населения, в том числе и криминального характера.

2. Дело доктора Фурманского, или “зов крови”

Иногда встречаются исторические сюжеты, описанные современниками словно специально для одной из будущих научных концепций. Дело зубного врача Наума Фурманского в Одесском окружном суде могло бы послужить прекрасной иллюстрацией сразу к нескольким книгам Мишеля Фуко. В нем есть все, “что положено”: классовая дистанция и сексуальность, власть научной и юридической экспертизы и солидарность профессионалов, но еще и нечто сверх этого...

⁵⁹ ЦГИАУ. Ф. 385. Одесское жандармское управление. Ед. хр. 106. Донесения помощника Одесского полицмейстера – заведующего сысской частью об убийствах, грабежах и других происшествиях по гор. Одессе. 2 января 1912 – 30 декабря 1914 г. л. 89 об.

⁶⁰ Там же. Л. 68.

⁶¹ Там же. Л. 64 об.

⁶² Там же. Л. 32 об.

⁶³ См. Steve J. Zipperstein, *Op. Cit.*

18 октября 1912 г.

Его превосходительству Господину Прокурору
Одесской судебной палаты

прокурора Одесского окружного суда

Представление

11 сего октября поселянка Екатерина Белендир, 19 лет, заявила Одесской сыскной полиции, что того же числа около 9 часов утра она отправилась к зубному врачу Науму Фурманскому, проживающему на углу Преображенской и Дерибасовской улиц, который в течение нескольких дней уже лечил у нее зубы. Врач Фурманский запломбировал ей один зуб, а затем смазал десну какой-то жидкостью, после чего она вдруг почувствовала сильную слабость. Тогда Фурманский спросил ее, не страдает ли она сердцебиением, и, расстегнув ей кофточку и лиф, стал выслушивать сердце, а затем раздел ее и в одной сорочке перенес в соседнюю комнату, где положил на диван и против воли и согласия совершил с нею акт полового совокупления.⁶⁴

Работающая у ксендза Шенфельда девушка рассказала, что чувствовала себя в это время слабой и почему-то не могла кричать. Осмотр белья полицией обнаружил кровь от менструации, кровь обнаружили и на белье врача. Его арестовали и допросили. Наум Фурманский не признал себя виновным, заявив, что имел половое сношение с Белендир, но с согласия потерпевшей. При ее осмотре гинеколог следов насилия не обнаружил и представил заключение, что лишена она была девственности давно.⁶⁵ Химикаты из кабинета дантиста Фурманского были отданы на экспертизу трем профессорам Новороссийского университета по кафедре фармации и фармакогнозии, которые дали отрицательный ответ на вопрос: можно ли этими или другими средствами вызвать описанное состояние?⁶⁶

Однако 16 января 1915 года решением Одесского окружного суда Наум Фурманский все же был признан виновным и приговорен к лишению всех прав и заключению на 2 года 8 месяцев в исправительные арестантские отделения.⁶⁷ Решающим аргументом послужили не заключения медицинских экспертов или успехи следствия, а компрометирующий “послужной список” самого Фурманского. Оказалось, что против него уже дважды возбуждались дела по схожим обвинениям и один раз он даже был осужден: в июне 1905 г. он покушался на

⁶⁴ ЦГИАУ. Ф. 419. Прокурор одесской судебной палаты. Оп. 2. Т. 2. Ед. хр. 1628. Представление прокурора Одесского окружного суда о производстве следствия по обвинению Одесского зубного врача Фурманского Н. в изнасиловании Белендир Е. Л. 1-1об.

⁶⁵ Там же. Л. 2-2 об.

⁶⁶ Там же. Л. 6-6 об.

⁶⁷ Там же. Л. 14.

некую Розу Тернян. Был приговорен к лишению всех прав и году арестантских отделений. Однако в результате кассационной жалобы Сенат отменил это приговор присяжных, поскольку в представленных суду сведениях не усмотрел состава преступления. За сенатским решением последовало примирение сторон и дантист от наказания был освобожден.⁶⁸ В 1911 году было возбуждено дело по заявлению служанки Фурманского, Февронии Гаврилюк: в отсутствие жены он будто бы пытался изнасиловать Гаврилюк, она не далась, Фурманский ударил её... Дело было прекращено за недостатком улик.⁶⁹ Так что в случае с Белендир одесские судьи решили наконец остановить любвеобильного доктора.

За удивительно современным сюжетом дела об изнасиловании Белендир скрываются очень необычные обстоятельства. Женатый еврей Наум Фурманский, врач с хорошей практикой в центре города, трижды оказывается под следствием по обвинению в изнасиловании (реальных попыток могло быть много больше), причем в двух случаях из трех точно известно, что его жертвами были не-еврейки (национальность или вероисповедание Розы Тернян неизвестны, скорее всего, она была молдаванкой). Более того, он вступил в половую связь с Белендир в нарушение всех мыслимых предписаний еврейской гигиены, когда она была “нечистой”. Неизвестно, был ли Фурманский крещеным, но и в этом случае разрыв с традицией предков выглядит радикальным.

Преступление по определению не может свидетельствовать о *типичности* того или иного явления, и даже несколько зарегистрированных полицией случаев такого рода не репрезентативны.⁷⁰ Однако важно то, что даже если признать этих людей “извращенцами”, их действия в обстановке “аномии” жизни в лишенной традиций колонии и спонтанной самоорганизации населения для преодоления этой социальной дезинтеграции не ограничивались рамками общины единоплеменников. Как врач и как преступник Фурманский действовал поверх перегородок традиционного общества, в едином социальном пространстве города Одессы Российской империи.

3. “В БОРЬБЕ ОБРЕТЕШЬ ТЫ ПРАВО СВОЕ”, или лицензия на убийство

9 апреля 1907 года в обувной магазин Мойсея Шаи-Айзикова Вольского зашел незнакомый еврей. Он сторговал ботинки за 5 рублей, но когда пришло

⁶⁸ Там же. Л. 4 об.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Например, 9 февраля 1912 г. в полицию поступило заявление, обвинявшее некоего Гельмана в покушении на изнасилование соседских девочек (еврейки и украинки), а 1 марта был задержан сожитель Евдокии Кравченко, персидский подданный “армянин” Агабала Хаджи-Оглы, который заразил ее 4-летнюю дочку Евдокию гонореей. Ф. 385. Одесское жандармское управление. Оп. 2. Ед. хр. 106. Донесения помощника Одесского полицмейстера – заведующего сыскной частью об убийствах, грабежах и других происшествиях по гор. Одессе. 2 января 1912 – 30 декабря 1914 гг. Лл. 21об., 37.

время расплатиться за покупку, вместо денег вытащил револьвер. Хозяин магазина побежал в заднюю комнату, ему вслед прогремел выстрел. Мимо. На шум выбежала жена хозяина, Хая Вольская. Она схватила нападавшего за руку, он выстрелил еще раз и ранил женщину в живот. Затем выбежал на улицу, но на тротуаре раненая Хая схватила его за полу пальто. Тогда неизвестный нападавший выстрелил ей второй раз в живот и скрылся.⁷¹

Оказалось, что накануне Вольские получили два угрожающих письма от “Южно-русской группы анархистов-коммунистов “Черное знамя””: одно по почте, а второе принес старший подмастерье сапожной мастерской Стотланда Иосель Кон. В письмах содержалось требование открыть в 3 дня сапожную мастерскую на 12 человек, иначе – “смерть и разрушение”. По странному стечению обстоятельств, работа в мастерской Стотланда как раз была парализована в это время острым трудовым конфликтом: 7 подмастерьев-евреев заперлись в мастерской и не допускали в помещение никого постороннего, даже старшего подмастерья Кона. При обыске в мастерской была найдена бомба...⁷²

В годы после первой русской революции и одесского погрома насилие или угроза применения насилия стали в Одессе самым распространенным аргументом при решении социально-экономических конфликтов даже на уровне публичной политики,⁷³ не говоря уже про сугубо уголовные дела. Однако из тысяч происшествий криминального характера, изученных мною в ходе работы над этим исследованием, не было *ни одного*, в котором еврей убил бы русского (вообще не-еврея) с целью ограбления или личной мести. Зафиксировано множество случаев убийств евреев русскими и украинскими бандитами, но ни одного обратного случая. Евреи могли обокрасть квартиру не-еврея, залезть ему в карман, сбыть краденое или фальшивые деньги, но почти никогда – убить. Создается впечатление, что мы сталкиваемся с невидимой стеной, ограничивающей успешную интеграцию одесских евреев в “большое” общество, пусть и в сфере противозаконной деятельности.⁷⁴

Однако была одна категория насильственных действий, когда евреи с готовностью переступали через “основной инстинкт” самоограничения и легко

⁷¹ ЦГИАУ. Ф. 385. Одесское жандармское управление. Оп. 1. Т. 2. Ед. хр. 2110. Л. 144. Рапорт помощника Одесского полицмейстера - заведующего сыскной частью начальнику Жандармского управления от 12.04.1907.

⁷² Там же. С. 144 об.

⁷³ Когда гласный Городской Думы Н. Михайлов выступил в 1908 г. против проекта ограничения продолжительности трудового дня приказчиков (указывая, что эта мера приведет к массовым увольнениям), он немедленно получил угрожающее письмо от некоего “Комитета труженников” – вместо официального протеста от общества приказчиков или другой легальной организации. См.: Письмо в редакцию // Новая Одесская газета, 1908 г. № 21. Понедельник, 7 июля. С. 3.

⁷⁴ Подробнее об этой проблеме см.: И. Герасимов. “Мы убиваем только своих”: преступность как маркер межэтнических границ в Одессе начала XX века (1907-1917 гг.) // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 209-260.

шли на убийство иноплеменников: в случаях, когда они действовали во имя или под прикрытием революционных лозунгов. Волна экспроприаций от имени действительных и вымышленных анархистских групп захлестнула после революционную Одессу. Чаще всего члены шаяк, грабивших во имя социальной справедливости, называли себя “анархистами-коммунистами”, однако существовали и вариации: анархисты-синдикалисты, анархисты “свободной коммуны”, “Одесская группа безработных коммунистов” и т.д. Досье одесской полиции на членов бесчисленных анархистских группировок занимает пять пухлых томов, в них данные на несколько сотен человек, и среди них немало евреев.⁷⁵

Многие “анархисты” с самого начала были заурядными уголовниками, лишь прикрывавшимися политической фразой. Однако, как явление, скатившиеся к разбою экспроприаторы были продолжателями традиции революционеров-боевиков, а в Одессе – еще и отрядов еврейской самообороны, создававшихся для отпора погромщикам. Дело “Одесского молдаванского летучего боевого отряда самообороны” позволяет понять, как и почему многим одесским евреям политические лозунги помогали преодолевать многие традиционные ограничения, в том числе на физическое насилие, в том числе и по отношению к не-евреям.

В июне 1906 года, под непосредственным впечатлением от Белостокского погрома (14 июня), несколько еврейских активистов создают в Одессе внепартийный комитет самообороны, который позже назвали Одесским молдаванским летучим отрядом самообороны. Большинство членов отряда были очень молоды, в возрасте от 17 до 21 года, лишь лидер группы Янкель Эстерман по кличке “Майор” и Иосол Цегельницкий были старше: одному было 27 лет, а другому 33 года.⁷⁶ Для начала члены группы занялись сбором пожертвований с состоятельных членов еврейской общины и предприятий, выдавая жертвователям квитанции. Судя по всему, средства текли рекой: при обыске на “штабной” квартире группы потом нашли 3 корешка от чековых книжек и одну книжку, в которой был оторван 51 лист.⁷⁷ Это значит, что в короткий срок (менее двух недель) было собрано несколько сот жертвований.

⁷⁵ Этническое происхождение или конфессия указываются в досье лишь эпизодически, поэтому о статистически значимых цифрах говорить не приходится. См.: ЦГИАУ. Ф. 385. Одесское жандармское управление. Оп. 1. Т. 2. Ед. хр. 3085-3089. Сведения Одесского охранного отделения и Жандармского Управления об “анархистах-коммунистах”. А-В – Р-Т.

⁷⁶ ЦГИАУ. Ф. 385. Одесское жандармское управление. Оп. 1. Т. 2. Ед. хр. 1936. Дело о производстве дознания “об Одесском-молдаванском летучем боевом отряде самообороны”. 14 июня 1906 – 3 ноября 1910. Л. 65-66.

⁷⁷ ЦГИАУ. Ф. 386. Одесское охранное отделение. Оп. 1. Ед. хр. 1050. Переписка с Департаментом Полиции, Жандармским Управлением г. Одессы и другими учреждениями о деятельности и аресте лиц, принадлежащих к Одесскому молдаванскому летучему отряду самообороны. 28 июня – 16 октября 1906 г. Л. 25 об.

На собранные деньги члены новообразованного отряда закупили простейший типографский станок и несколько револьверов. На станке было отпечатано воззвание тиражом до тысячи экземпляров:

Безумие и ужас охватывает каждого из нас при чтении все о новых жестокостях погрома, совершенные кучкой хулиганами, под предводительством полицейских и шпионов и защищенные верными слугами – войском. Новые потоки невинной крови покрыли землю одного из городов нашей великой родины Белостока. Снова все еврейское население находится в трепещущем ожидании чего-то грозного. Снова лучшие борцы освободительного движения лежат под меркой земли и на смертном одре ожидают мести их палачам.

Товарищи! Будем ли еще дальше надеяться на помощь наших хулиганских градоправителей, на глазах которых обесчестили девушек, убили семидесятилетних стариков, распарывали животы беременным женщинам и отрубали руки и ноги маленьким детям? Нет! Довольно ждать и надеяться на помощь других! Пора, наконец, образумиться и понять, что нам нет от кого ждать помощи, кроме своих рук!

Мы организовали “внепартийную и независимую партию самооборонцев”, которые ставим своим девизом защиту всех мирных граждан от хулиганов, и призываем всего сознательного пролетариата, всех без исключения граждан в которых есть одна хоть капля человеческой совести, организовать в наши ряды для защиты еврейского населения от погрома! Помните, товарищи, что погром есть контрреволюция, это есть предсмертная конвульсия умирающего режима, который над целым морем крови и повсюду усеянными трупами желает удержать свою бюрократическую “неограниченную” власть и устраивает погромы, расстрелы и т.д. Помните, если мы идем против контрреволюции, то этим самым наносим смертельный удар умирающему деспотизму! [...]

Итак, товарищи! Скажем: Пора! Довольно! Мы не верим больше в правительственных опричников и поняли, что самим нам нужно организовываться, чтобы отбить контрреволюцию! Нам уже довольно фактов! Спешите же, товарищи, время не ждет! В нашу программу не входят террор или убийства, а наш девиз – созывать всех сознательных граждан к защите наших братьев, которые вместе с нами сражаются на баррикадах, томятся в тех же казематах и идут рука об руку для освобождения нашей родины!⁷⁸

Не требуется глубинного текстологического анализа для того, чтобы увидеть, как недавние выходцы из местечек черты оседлости (все члены группы формально приписаны к мещанским общинам разных губерний, среди них нет ни одного уроженца Одессы) приходят к осознанию себя сынами “нашей великой родины”. К мести и насилию их толкает солидарность с евреями Белостока, но оправдание себе они находят не в борьбе с антисемитизмом погромщи-

⁷⁸ Там же. Л. 4.

ков, но в общероссийской революционной борьбе с контрреволюцией, деспотизмом и охранкой. Окончательно свободными от внешних и внутренних оков еврейской изолированности они становятся, лишь вливаясь – пусть символически, на словах – в общероссийское революционное движение...

Молдавский летучий отряд самообороны просуществовал лишь несколько недель. Экземпляр процитированного воззвания попал в охранку уже в начале июля, однако поиски загадочного отряда поначалу ни к чему не привели.⁷⁹ Самооборонцы перешли к активным действиям 11 июля 1906 г., обстреляв из револьверов казацкие казармы (сведений о жертвах в следственном деле нет). После этого непосредственная борьба с режимом была приостановлена. В тот же день члены отряда – крестьянин Орловской губернии Федор Сысоев и одесская мещанка Ева Митацер, – явились в фотографический магазин Иосифа Покорного на Дерибасовской с требованием денег “в пользу безработных”. Их задержали и посадили под трехмесячный арест за незаконный сбор денег. 13 июля в участок для освобождения Сысоева и Митацер явился лидер группы Эстерман (“Майор”) и был арестован. А днем раньше, 12 июля, арестовали трех членов организации, один из которых проживал на “штабной” квартире, что привело к ликвидации всего отряда самообороны. Вот как описаны обстоятельства ареста в полицейском деле:

12-го июля Тарнопольский, Горштейн и Беркович явились в дом терпимости № 62 по Болгарской улице и, имея в руках заряженные револьверы, заявили, что они члены самообороны и никого не боятся. Оттуда они отправились в буфет зельтерской воды в доме № 53 по Болгарской улице, где и были задержаны, причем по личному обыску у них были обнаружены означенные револьверы, 66 патронов к ним и 11 экземпляров упомянутого выше “Воззвания” Молдавского отряда (Листок № 1). Вслед за сим были проведены обыски у них на квартирах...⁸⁰

Ни в коем случае не сомневаясь в чистоте помыслов организаторов Молдавского летучего отряда самообороны, все же обратим внимание на то, что в отсутствие реальной погромной угрозы в Одессе члены отряда успели отличиться вовсе не в борьбе с черносотенцами и режимом. Никто не был задержан после обстрела казачьих казарм, зато с поличным задержали наиболее активных участников группы во время “мероприятий”, типичных как раз для одесских “анархистов-коммунистов”, и это не случайно. Федор Сысоев и Ева Митацер, шантажировавшие фотографа на Дерибасовской, не принадлежали к числу организаторов отряда, а были привлечены ими, видимо, позже, как опытные боевики.

Названный Сысоев, между прочим, объяснил, что в состав известной ему группы “налетчиков” входят, в числе других лиц, Женя Бурделих, ныне наблюдаемый в известной группе анархистов “Свободной ком-

⁷⁹ Там же. Л. 3.

⁸⁰ Там же. Л. 24.

муны”, известный Вашему Высокоблагородию Симха Столяровский, ныне скрывшийся за границу, некто “Арон” и “Савушка”, личности коих до сего времени не установлены...⁸¹

Очевидно, пробавлявшиеся грабежом профессиональные “экспроприаторы-анархисты” периодически рекрутировались левыми организациями, нуждавшимися в опытных бойцах. Этот симбиоз давал боевикам дополнительное моральное оправдание, а революционерам прививал вкус к крови.⁸² Но, помимо “лицензии на убийство”, большое общенародное революционное дело – и оружие, за которое брались ради него – помогало людям преодолеть и другие социальные и моральные ограничения. Не случаен маршрут, которым отправились по Болгарской улице Молдаванки к центру города, размахивая “бульдогомами”, 19-летний Виктор Беркович, 20-летний Фроим Горнштейн и 21-летний Идель Тарнопольский...

Революция обещала евреям полное и окончательное равноправие, а революционные идеалы и даже лозунги казались достаточным оправданием для нарушения любых общественных норм. Однако революционный выбор оставался достаточно маргинальным в дореволюционной России, и даже сочувственно относящаяся к еврейским революционным организациям часть российского еврейства осуждала еврейских экспроприаторов, вплоть до требования отлучения их от общины – предание “херему”.⁸³ Основная часть одесских евреев строила стратегию социального поведения в условиях некоторых внешних и внутренних ограничений, в том числе ограниченного права на насилие в отношении иноплеменников и иноверцев.

САМООРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕЖИТИЯ: ПО ОБЕ СТОРОНЫ ЗАКОНА

1. Враги: “хаймовцы” и “союзники”

За немногими исключениями (о которых говорилось выше), еврейская преступность действовала поверх национальных и классовых барьеров. Если в этом проявлялась, в частности, новая “эмансипаторская” парадигма еврейско-

⁸¹ Там же.

⁸² Это обстоятельство упоминается в стандартной работе о революционном насилии (причем, именно в одесском контексте): Anna Geifman. *Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894-1917*. Princeton, 1993. P. 135.

⁸³ Ср.: “Не сплотиться ли нам, всем евреям, чтобы выразить коллегiallyно и всенародно свое презрение тем “бомбистам” из евреев, которые выдают себя за представителей той или другой политической партии и которые, в сущности, преследуют лишь одни цели грабежа? ...Христиане-бомбисты называют себя анархистами, а евреи – Бундистами. И вот “Бунд” в представлении всего общества является какой-то шайкой головорезов.” Б. С-н. Бунд // Русский еврей. 1906. № 2. Суббота, 1 апреля. “Русский еврей” традиционно сочувственно относился к еврейским левым партиям.

го социального поведения, то естественно возникает вопрос о том, в какой мере еврейская преступность в Одессе стимулировала антисемитские настроения. Проблема антисемитизма не менее комплексная и запутанная, чем проблема этнической преступности, однако совершенно проигнорировать ее в контексте настоящей статьи было бы невозможно. Вероятно, нужно оговориться, что речь пойдет о связи антисемитизма как политического дискурса с еврейской преступностью, а не просто о личных симпатиях и антипатиях отдельных одесситов к знакомым и незнакомым евреям.

Сформулировав вопрос таким образом, приходится сразу дать на него ответ: на основании изучения широкого спектра одесской прессы 1907-1917 гг. и архивных фондов органов полиции и суда говорить о виктимизации евреев как этноконфессиональной группы, активно участвующей в криминальной деятельности, нельзя. В одесских газетах (и солидных, и бульварных) информация о преступлениях не выходила за рамки жанра сенсационного репортажа или скандальной хроники. По своей форме наиболее громкие публикации приближались к сценарию кинобоевиков,⁸⁴ что указывало на развлекательное назначение этого жанра, политические комментарии любой окраски считались в таких публикациях неуместными.

Лишь одна одесская газета, бойкий леворадикальный листок “Срочная вечерняя почта”, старалась избегать темы еврейской преступности, а если и печатала сообщение о нападении еврея на христианина, тут же приводила несколько случаев обратного характера.⁸⁵ При этом самоцензура эта носила, ско-

⁸⁴ Так, прокатетская “Новая одесская газета” подала в начале сентября 1908 г. описание вооруженного нападения на хлебных торговцев С. Глазера и Зильберберга, которые рано утром на пролетках с большой суммой наличными ехали на Балтскую дорогу закупать зерно, как остросюжетное кино из 7 частей. Каждая часть, состоящая из 1-4 абзацев, снабжена заголовком: “Жертвы разбоя” – “Нападение” – “Преследование” – “Оказание помощи раненым” – “Прибытие властей” – “Уборка трупов” – “Впечатления”. Несмотря на присутствие в происшествии этнического компонента и явный экономический характер преступления, репортаж написан в жанре *action*, как действие ради действия. См.: Вооруженное нападение // Новая Одесская газета. 1908. № 33. 4 сентября. С. 3. Этот “киношный прием” встречается в одесских газетах не раз. На другом конце рассматриваемого в этой статье хронологического отрезка – репортаж 1915 года в бульварном “Маленьком одесском листке”. Лето, война, мертвый сезон для заметных городских событий, поэтому заурядное происшествие – сошедший с рельсов трамвай – смакуется на двух страницах, с элементами монтажа просто эйзенштейновского динамизма. Вот заголовки отдельных частей репортажа-“боевика”: “Весть о катастрофе” – “На месте катастрофы” – “Оказание помощи” – “Линия № 31” – “Перед несчастьем” – “Переполюх” – “Катастрофа” – “Спасение пассажиров” – “Пострадавшие” – “Рассказ очевидцев” – “В вагоне № 49” – “Прибытие властей” – “Причина катастрофы” – “Просьба судебного следователя”. См.: Трамвайная катастрофа // Маленький одесский листок, 1915 г. № 3. 6 июля. С. 3-4.

⁸⁵ Например, после сообщения о задержании Исаака Фликштейна и Иосифа Гальперина по подозрению в “огрании 100 руб.” у содержателя винного погреба Алексея Кузьмина (в д. № 30 по Училищной улице) следуют три случая ограбления евреев не-евреями. См. Задержание грабителей // Срочная вечерняя почта. 31 дек. 1911 г. С. 3.

рее, полубессознательный характер, поскольку в то же время газета не стеснялась разоблачать “white collar crime” среди еврейской элиты и клеймить эксплуатацию еврейской бедноты богатыми евреями. Видимо, факты нападения евреев на иноверцев противоречили социально-политической программе газеты, вполне согласующейся с концепцией модернизации по направлению “от крови к мошенничеству”.

Противоположной реакции можно было ожидать от черносотенной прессы, которая была на удивление немногочисленной для города с репутацией крупнейшего черносотенного центра.⁸⁶ Одесские черносотенные газеты владели жалкое существование, постоянно прогорали, страдая от недостатка средств, отсутствия рекламы и фактического саботажа со стороны распространителей.⁸⁷ Самое же удивительное – в них почти отсутствует развитый *одесский* антисемитский дискурс: перепечатывая статьи центральной черносотенной прессы или комментируя общероссийские события, одесские черносотенные издания почти не публиковали материалы на городские темы, игнорируя возможность разоблачения “собственных” евреев. Характерным исключением является самая солидная и успешная “Русская речь”: в ней периодически появлялись материалы, посвященные одесским проблемам, в том числе и криминальная хроника. Однако при этом практически никак не эксплуатировался этнический аспект происшествий: заменяя нейтральное “еврей” на “жид” и стараясь описывать еврейских персонажей в уничижительном или прямо оскорбительном тоне, авторы “Русской речи” не идут дальше формального “перевода”.⁸⁸ При этом явная тенденциозность редко перехо-

⁸⁶ Отражение этого представления в историографии см. напр. в: С. А. Степанов. Черная сотня в России, 1905-1914 гг. Москва, 1992. С. 151 и др. Роберт Вайнберг представляет Одессу как город с богатым “наследием антисемитизма”: Robert Weinberg. The Revolution of 1905 in Odessa. Bloomington, 1993. P. 180, et al.

⁸⁷ Так, “Народная газета Русская копейка”, выходявшая в 1911-1912 гг., из номера номер настоятельно приглашала на работу рекламных агентов. В номере от 24 апреля 1911 г. в этой газете напечатаны всего 6 объявлений, одно из которых – еврейской фирмы. Черносотенный ежедневный листок “Набат”, пришедший в 1913 г. на смену “Русской копейке”, еврейскую рекламу не печатал, но постоянно жаловался на киоски и разносчиков, которые отказывались распространять эту газету: большинство одесских газетных издателей грозили бойкотом распространителям черносотенной прессы. Долгожителем и наиболее солидным черносотенным изданием в Одессе была “Русская речь”. Но и эта газета не могла собрать солидную коммерческую рекламу, печатая в основном транспортные расписания и афиши. Приобрести газету в 1912 году можно было только в редакции, в одном-единственном книжном магазине и в 18 киосках – в городе с почти полумиллионным не-еврейским населением. (Конечно же, можно было получать “Русскую речь” по подписке, но зато ее не продавали бесчисленные разносчики.) См.: Розничная продажа №№ газеты // Русская речь. 1912. № 1960. 1 июля. С. 1. Явная непопулярность черносотенной прессы в Одессе существенно корректирует распространенное представление о прочных позициях черной сотни в Одессе.

⁸⁸ Так, постоянный фельетонист “Русской речи” с характерным для одесской черносотенной газеты псевдонимом “Пессимист”, описывая городские происшествия, просто

дит в преднамеренный отбор фактов или концептуализацию преступности как следствия еврейского заговора.⁸⁹ В послепогромное десятилетие 1906-1916 гг. ни одна из одесских черносотенных газет не была готова представить Одессу – не далекий Петербург, или “всю Россию”, или “весь мир”, а родной город – как сцену драматического противостояния сил добра и зла, православных патриотов и евреев.⁹⁰ Таким образом, говорить об институциализации антисемитского общественного дискурса в Одессе в связи с интенсивной социальной активностью евреев (в том числе и криминального характера) не приходится.

Вопрос о степени распространенности антисемитских настроений в органах полиции и следствия является более сложным. С одной стороны, по итогам расследования погрома 1905 г. сенатором Кузминским были уволены со

адаптирует тон репортажа к специфическим требованиям параноидальной черносотенной речи: “Из хроники происшествий вы уже знаете, что толпа евреев избил вагонновожатого трамвая и кондуктора за то, что под вагон электрички попал жиденек. Давить детей по улицам – отнюдь не добродетель...” однако “виноваты сами жида, которые перед самым трамваем” нагло перебегают дорогу. См.: Пессимист. Маленький фельетон // Русская речь. 1912. № 1962. 4 июля. С. 3. Коль скоро автор описывает реальное происшествие, но при этом все же не призывает давить еврейских детей, то его оскорбительная риторика оказывается избыточной и самодостаточной, не переходя пусть и тонкую, но реальную границу между языком ненависти (точнее, раздражения) и призывом к прямому насилию.

⁸⁹ Так, с удовольствием перечисляя пойманных преступников-“жидов”, газета обычно тут же и столь же подробно рассказывает об арестованных православных преступниках. И если в материале об использовании дешевых гостиниц в качестве домов свиданий автор не упускает возможности заметить, что “во всех этих подлых ухищрениях изошряются исключительно паразиты общества – жида”, то об убийстве еврейского врача-венеролога русским пациентом, недовольным прогрессом лечения, рассказывается с явным сочувствием к врачу. См.: Борьба с развратом // Русская речь. 1912. № 1965. 7 июля. С. 3; Происшествия // Русская речь. 1912. № 1972. 15 июля. С. 3-4. Правда, уже в следующем номере “Пессимист” исправляет допущенную газетой оплошность и глумится над врачом-жертвой и вообще профессией обманщиков-венерологов. Однако характерно, что даже в редком случае наиболее последовательного “концептуально-” юдофобства Пессимиста мы не сталкиваемся со сколь-нибудь отчетливой и целостной картиной одесского еврейского заговора, проявляющегося инвариантно в политических интригах, засилии еврейского капитала или преступности.

⁹⁰ В этом отношении Одесса резко отличалась от других городов Восточной и Центральной Европы, обладавших значительной еврейской общиной. Как показал недавно Роберт Блобаум, в это время в Польше (в частности, в Варшаве) существовал развитый антисемитский дискурс, целенаправленно интерпретирующий реальный или воображаемый всплеск преступности как результат еврейского заговора и возлагавший ответственность за преступления на местное еврейство. См.: Robert Blobaum. Criminalizing the “Other”: Crime, Ethnicity and Antisemitism in Early Twentieth-Century Poland // Idem. (Ed.). Antisemitism and Its Opponents in Modern Poland. (Глава из сборника статей, готовящегося к публикации в Cornell University Press). Я благодарю проф. Блобаума за разрешение ознакомиться с рукописью главы и процитировать ее в настоящей статье.

службы и отданы под следствие за преступное попустительство или прямое участие в погроме 49 чинов одесской полиции, включая приставов участков.⁹¹ Антисемитские выступления и конкретные политические жесты делались на самом высоком городском уровне, исходили от губернатора и командующего военным округом. После реформы городского управления 1892 г. представительство евреев в органах администрации и Городской Думе было искусственно ограничено.⁹² Пока невозможно документально установить, как проявлялись антисемитские чувства конкретных чинов полиции при производстве дознаний и расследований, вполне можно допустить, что этот фактор в какой-то мере присутствовал. С другой стороны, основной корпус сохранившихся документов полиции, прокуратуры и суда не содержит прямых или косвенных проявлений антисемитизма (через интонацию, нарочитый подбор или интерпретацию фактов, употребление одного из характерных расхожих штампов или оборотов и т.п.). Изредка можно встретить отклонение от норм речевого протокола официального документа, которое можно интерпретировать как проявление сочувствия к евреям,⁹³ но обратный случай мне ни разу не встретился. Косвенным, но очень важным подтверждением “нейтрального” отношения полиции и суда в Одессе к евреям служит огромное количество жалоб и заявлений, подававшихся евреями на евреев и не-евреев: это было бы невозможно без существования доверия к органам закона.

Позиция одесской полиции выглядит нейтральной и уравновешенной по контрасту с дискурсом и практикой полиции внутренних губерний или петербургского руководства. Несколько случаев переписки Одесского Жандармского управления и охранного отделения с Петербургом свидетельствуют о том, что в Одессе были не склонны драматизировать накал межэтнического противостояния. Так, 27 июня 1906 г. начальнику Одесского охранного отделения через канцелярию Одесского градоначальника поступил следующий запрос:

⁹¹ ЦГИАУ. Ф. 419. Прокурор одесской судебной палаты. Оп. 1. Ед. хр. 4196. Предварительное следствие по обвинению служащих Одесской городской полиции (в количестве 49 чел.) в участии в еврейских погромах в г. Одессе в октябре 1905 г. Л. 3-9 об. Выпись из постановления.

⁹² См. Weinberg. Pp. 18-19.

⁹³ Ср. напр. явно избыточный с формальной точки зрения пассаж в рутинном отчете начальника сыскного отделения: “До моего сведения дошло, что в квартире сапожного мастера мещанина Льва Мильмана... хранится много брюк, в благовидном способе благоприобретения которых Мильманом встречается сомнение. Сведения эти были проверены... установлено, что они похищены у **очень бедного** торговца вразнос Хаима-Герша Фридмана...” (Выделено мной, – И.Г.) См.: ЦГИАУ. Ф. 385. Одесское жандармское управление. Оп. 2. Ед. хр. 106. Донесения помощника Одесского полицмейстера – заведующего сыскной частью об убийствах, грабежах и других происшествиях по гор. Одессе. 2 января 1912 – 30 декабря 1914 гг. Л. 104 об.

В Департаменте Полиции получены сведения, что в Одессе еврейское население организовало самооборону, численная сила которой увеличилась в 5-6 раз сравнительно с бывшею в октябре 1905 года, эта самооборона располагает будто бы 350 бомбами и 6 т. револьверов, причем в случае погрома все еврейское население явится вооруженное Браунингами, тогда как русские вследствие затруднительности приобретать оружие при действии военного положения окажутся беззащитными.

Вследствие запроса об этом Департамента Полиции от 17 сего июня за № 9361, Прошу Ваше Высокоблагородие сообщить мне, какие имеются в распоряжении Вашем сведения о количестве бомб, а также о численности и вооружении еврейской самообороны.⁹⁴

Отвечая на проникнутый заботой о беззащитных погромщиках запрос петербургского начальства, одесская охранка в деловом тоне подробно описывает существующие в городе еврейские незаконные вооруженные формирования, подчеркивая “сравнительно небольшое количество” огнестрельного оружия, имеющегося в их распоряжении. Никаких спекуляций, моральных оценок или дискурсивных конструкций в духе запроса Департамента Полиции в донесении не содержится, лишь сугубо технический анализ ситуации.

Однако призраки еврейского восстания в Одессе не давали покоя Департаменту Полиции. Спустя месяц в Одесскую охранку поступает еще более фантастический запрос:

В Департаменте Полиции получены сведения, что в Одессе появилась новая группа так называемых “хаймовцев”, состоящая из последователей некоего “Хаима”, агитирующего исключительно среди рабочих.

Сообщая об изложенном, Департамент полиции просит Ваше Высокоблагородие выяснить состав и задачи этой группы и личность Хаима и о последующем донести.⁹⁵

Вопреки общей практике, когда ответ на запрос Департамента Полиции давался после проведения специального расследования и (зачастую весьма обширной) переписки, в этот раз Одесское охранное отделение не предприняло никаких дополнительных шагов. Выдержав подобающую паузу, начальник одесской охранки через неделю отправил в Департамент ответ: “Доношу Вашему Превосходительству, что о существовании в г. Одессе новой рабочей группы так называемых “Хаймовцев”, а равно и главаря ее “Хаима”, в отделении сведений не имеется.”⁹⁶ Объективно антисемитский запрос Департамента Поли-

⁹⁴ ЦГИАУ. Ф. 386. Одесское охранное отделение. Оп. 1. Ед. хр. 1050. Переписка с Департаментом Полиции, Жандармским Управлением г. Одессы и другими учреждениями о деятельности и аресте лиц, принадлежащих к Одесскому молдаванскому летучему отряду самообороны. 28 июня – 16 октября 1906 г. Л. 1-1об.

⁹⁵ Там же. Ед. хр. 1049. Донесение в Департамент Полиции об отсутствии сведений о существовании в гор. Одессе группы “Хаймовцев”. Л. 1.

⁹⁶ Там же. Л. 2.

ции был проигнорирован одесской службой безопасности, по крайней мере, из-за его абсурдности: знания о евреях в ДП явно ограничивались 2-3 именами из еврейских анекдотов, а представления о современной еврейской политике отсутствовали напрочь, вместо них в умах петербургских полицейских роились какие-то обрывки из бульварных публикаций о еврейских лже-мессиях прошлых веков и разлагающей агитации еврейских студентов среди рабочих. То, что одесские полицейские чины не разделяли заблуждений, а значит, и страхов своего начальства, говорит о более адекватном восприятии ими ситуации и отсутствии склонности воевать с ветряными мельницами или тайными заговорами.

Однако несклонность одесской полиции к охоте на ведьм и систематической виктимизации евреев не означала и особо сочувственного отношения к евреям, особенно в первые пореволюционные годы, когда черносотенные организации пользовались официальным покровительством городских властей и полиции. 13 декабря 1906 г. кадетская “Речь” опубликовала заметку о том, как служащего одесской фирмы Вагау Израиля Перельмана после работы похитила банда “союзников”, затащили в чайную СРН, били, издевались, а потом отвезли и выкинули на окраине – “за агитацию”. После опубликования заметки Жандармское Управление начало расследование: очевидно, сам Перельман не видел смысла обращаться за помощью к полиции.⁹⁷ Проведенное спустя более недели после инцидента медицинское освидетельствование подтвердило факт истязания.⁹⁸ Однако несмотря на то, что в ходе расследования были выяснены имена людей, накануне угрожавших Перельману, расследование закончилось ничем, виновных так и не нашли.

Одесская полиция, как и вся российская полиция, не была готова к деятельности в эпоху массовой политики, стихийных толп и городских восстаний. Даже если нет оснований приписывать полиции в целом роль основного организатора еврейских погромов в Одессе,⁹⁹ нет сомнений, что в подавлении массовых беспорядков полиция действовала неумело и вяло. Неплохо справляясь с обычной уличной преступностью, полиция в Одессе избегала вмешательства в потенциальный этноконфессиональный конфликт. Перспективы межэтнического мира в городе всецело зависели от самих одесситов.

⁹⁷ ЦГИАУ. Ф. 385. Одесское жандармское управление. Оп. 1. Т. 2. Ед. хр. 2110. Донесения помощника Одесского полицмейстера и полицейских приставов о взрывах на пароходах “Георгий Мерк”, “Аю-Даг” и др., столкновении населения с отрядами “Союза русского народа”, экспроприациях анархистов и других происшествиях в г. Одессе. 12 января 1907 – 19 октября 1911 гг. Л. 1.

⁹⁸ Там же. Л. 5-5 об.

⁹⁹ См. Weinberg. Pp. 174-175; Shlomo Lambroza. The Pogroms of 1903-1906 // John D. Klier and Shlomo Lambroza (Eds.). Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History. Cambridge, 1992. Pp. 233 et al.

2. Соседи: история кровной заинтересованности

Конфигурации межэтнического взаимодействия в Одессе никак не совпадали с официальной или институциональной демаркацией, характерной для Российской империи в целом. Особенно наглядно этот тезис демонстрируют конфликтные ситуации, зафиксированные полицией как правонарушения. Так, буйный рост в 1907-1908 гг. рабочих артелей (особенно в порту), находящихся под эгидой черносотенных организаций, был связан в большей степени с проблемами трудовых отношений, чем с антисемитскими настроениями.¹⁰⁰ Основные столкновения портовых рабочих – членов “Союза русского народа” были не с евреями, а с враждебно настроенными рабочими – не-членами “союзных” артелей (наиболее известный эпизод – драка на Таможенной площади 4 апреля 1907 г., когда “союзников” били как штрейкбрехеров, срывающих забастовку в порту).¹⁰¹ С другой стороны, по сообщениям язвительной одесской прессы, половину членов рабочей артели “Союза Михаила Архангела” в 1912 г. составляли евреи, которых, разумеется, привела в союз отнюдь не юдофобия:

Картина прений была интересная. Мошки и Иваны высказывали открыто дружбу друг к другу, и только несколько членов возвысили свой голос о нежелательности участия евреев в артели Союза за Архангела Михаила. А правление? Оно высказалось за единение племен и признало евреев желательными членами союза.

Вовочка! [В. Г. Орлов, лидер Одесского отделения СМА] Ему как главному председателю союза должно быть известно о том, что евреи проникли в его “союз”. Он знает об этом, но молчит. Там, где замечается “польза” от евреев, там стихает антагонизм и еврейство допускается к расцвету даже под знаменами Михаила Архангела.¹⁰²

К слову сказать, в начале века евреи составляли половину грузчиков в одесском порту,¹⁰³ поэтому прямая конфронтация на сугубо этнической почве была чревата крупномасштабным побоищем. Никаких серьезных столкновений на национальной почве в порту не было зафиксировано, а к 1913 году, согласно докладу Одесского градоначальника, в порту не осталось ни одной черносотенной артели.¹⁰⁴

Безусловно, столкновения, иногда кровавые, между русскими и евреями имели место в Одессе и в послепогромный период, однако меньше всего участников конфликта волновало вероисповедание противника. Как правило, причиной межэтнического столкновения являлась конкуренция, но бывали и бо-

¹⁰⁰ См. Степанов. С. 223, 231.

¹⁰¹ ЦГИАУ. Ф. 385. Одесское жандармское управление. Оп. 1. Т. 2. Ед. хр. 2110. Лл. 83-85.

¹⁰² Оса. О чем не говорят // Срочная вечерняя почта. 19 января 1912 г. С. 2.

¹⁰³ Степанов. С. 220-221.

¹⁰⁴ Там же. С. 235.

лее экзотические случаи. Так, в 1908 г. в газетах обсуждались обстоятельства “зверского избиения” Л. Нутовича проживающим по соседству на Большом Фонтане С. Стеценко. Стеценко владел лавкой, а Нутович отказывался у него покупать товар. И вот, как-то встретив Нутовича, Стеценко схватил с земли камень и стал бить Нутовича по голове и по лицу, Нутович был облит кровью.¹⁰⁵ Эта сцена могла произойти в любом уголке России, также как был типичен и конфликт между “русским” лавочником и еврейским соседом; специфика Одессы заключалась в том, что православный лавочник избил еврея не для того, чтобы отвести от лавки, но *чтобы привлечь его*. Если Стеценко и был антисемитом, то логика межэтнического взаимодействия в Одессе делала его “кровно” заинтересованным в еврейском соседе...

Случай Стеценко и Нутовича предостерегает против чересчур оптимистического взгляда на отношения между евреями и не-евреями в Одессе. Однако плотность и комплексность этих контактов в Одессе были беспрецедентными для России. Безусловно требующая специального исследования, эта тема может быть обозначена в рамках данной статьи лишь самым схематичным образом и в выбранном весьма специфическом аспекте “девиантного” поведения.

Хотя в отчетах об арестах воровских малин очень редко упоминаются одновременно “русские” и евреи (т.е. можно предположить, что смешанные уголовные банды, в отличие от анархистствующих групп, были редкостью), встречается довольно много случаев межэтнической воровской кооперации. Обычно речь идет о профессиональном разделении труда между ворами, наводчиками и перекупщиками. Так, лишь за одну майскую неделю в 1912 году зафиксировано несколько подобных случаев: в парикмахерской Лазаря Каратави-тоглу поденный рабочий Никита Горяев украл серебряный кошелек за 10 р. и передал Авруму Чечельницкому на Пересыпи, Церковная, 3;¹⁰⁶ на Пересыпи же ограбил пивную лавку Кулаева “известный вор” Николай Быков,¹⁰⁷ сбыв краденое мещанке Ите Котерборг (Тираспольская улица) и владельцу токарной мастерской на Ришельевской Янкелю Зельцеру;¹⁰⁸ Борис Гершман украл при помощи отмычки 150 электрических лампочек и 6 патронов к ним на 30 рублей из машинного отделения цирка Малевича. Сбыл перекупщику Александру Акладзе и механику иллюзиона “Победа” Николаю Клименко.¹⁰⁹

Не так уж редко отмечается и совместное участие в преступлении еврея и не-еврея. В июне того же 1912 года “известные воры” Иосиф Купершляк и

¹⁰⁵ См.: Зверское избиение // Новая Одесская газета, 1908 г. № 45. 21 сентября. С. 2-3.

¹⁰⁶ ЦГИАУ. Ф. 385. Одесское жандармское управление. Оп. 2. Ед. хр. 106. Донесения помощника Одесского полицмейстера – заведующего сыскной частью об убийствах, грабежах и других происшествиях по гор. Одессе. 2 января 1912 – 30 декабря 1914 гг. Л. 66 об.

¹⁰⁷ Там же. Л. 68.

¹⁰⁸ Там же. Л. 70.

¹⁰⁹ Там же. Л. 70 об.

братья Петр и Иван Степеничевы похитили в трамвае на углу Гаванной и Малого переулка у Николая Гречухина золотые часы с цепью за 90 рублей.¹¹⁰ 6 октября 1912 г. на Новобазарной площади четыре грабителя напали на Петра Лужецкого, “у которого после насилия и нанесенных побоев ограбили кошелек с 4 р. 50 коп. и скрылись”. Главными участниками этого преступления были названы зарегистрированные опасные грабители Сруль Гершкович, скрывающийся в Одессе без прописки, и лишенный прав Иоаким Хоруженко (скорее всего, украинец).¹¹¹ Банда Григория Котовского, которая в конце 1915 – начале 1916 гг. перенесла свои действия в Одессу, была интернациональной по составу, не менее половины шайки (8 человек) составляли евреи. Некоторые из них до вступления в банду испытали социализирующее воздействие тюрьмы (например, 28-летний кишиневский мещанин Арон Кацис) или армии (Самуил и Иосиф Гефтманы, Нухим Авербух). Последний, между прочим, по данным полиции “состоял на военной службе, участвовал в сражениях, был ранен в руку и, как получивший увечье, уволен вовсе со службы”.¹¹²

Отдельная группа происшествий, отражающих характер межэтнических контактов в Одессе, относится к сфере предпринимательской деятельности. Оставляя в стороне проблему распространенности противозаконных приемов среди одесских предпринимателей (являющуюся темой отдельной статьи), подчеркнем глубокую интегрированность торговцев и предпринимателей разной национальности. В начале апреля 1912 г. некто Иван Руденко украл 4 бочки подсолнечного масла у одного торговца-еврея и продал другому, который тут же перелил ворованное масло в свои бочки.¹¹³ Спустя полтора месяца оптовый мясной торговец Герш Штейнберг (Болгарская, 1) отправил с тачечником Андреем 26 пудов мяса (на 200 р.) в мясную лавку Сергея Пруткова на Новом базаре, а тот привез на Мастерскую ул. 17 (примерно на половине неблизкого пути), в мясную лавку Петра Шевердина.¹¹⁴ Интерес в данном случае представляет не тачечник Андрей, вероятно недавний мигрант, плохо знающий город, а фигуры хозяев мясных лавок, с удовольствием закупавшие “еврейское” мясо, невзирая на антисемитские предрассудки, которые в начале 1914 г. стали основой законопроекта правых депутатов Государственной Думы о запрещении “еврейского ритуального” способа убоя скота как жестокого/антисанитарного/эксплуататорского.¹¹⁵

¹¹⁰ Там же. Л. 93 об. Спустя неделю у несчастного Гречухина карманник, турецко-подданный Апастоли Дмитри, вытащил в трамвае кошелек с 57 рублями. Там же. Л. 100.

¹¹¹ Там же. Л. 195.

¹¹² См. Донесение Директору Департамента Полиции // ЦГИАУ. Ф. 385. Одесское жандармское управление. Оп. 2. Ед. хр. 231. Дело об убийствах, поджогах, грабежах и других происшествиях в гор. Одессе. 2.01. – 13.12.1916 гг. Лл. 73-75.

¹¹³ ЦГИАУ. Ф. 385. Одесское жандармское управление. Оп. 2. Ед. хр. 106. Л. 48.

¹¹⁴ Там же. Л. 76 об.

¹¹⁵ См. Выржиковский. Законопроект правых об убое скота // Вестник общественной ветеринарии. 1914. № 1. Кол. 49-51.

Уже говорилось о том, что одной из причин маргинального статуса черносотенной прессы в Одессе был бойкот со стороны распространителей: разносчиков, киосков и книжных магазинов, которые не хотели портить деловую репутацию и терять клиентов среди еврейской части газетчиков и читателей. Вообще, судя по сохранившимся источникам, откровенно антисемитская политика в отношении работников и покупателей со стороны торговых предприятий была редкостью в Одессе, вызывала скорее удивление и – судя по всему – сулила реальные убытки. Так, когда в 1913 году одесский склад аптекарских товаров И. Б. Сегалю перешел в собственность Южно-Русского общества торговли аптекарскими товарами (ЮРОТАТ), известного откровенным юдофобством, сразу были уволены 14 сотрудников-евреев, а оставшиеся готовились уйти сами из-за антисемитской атмосферы, нетипичной, по их словам, для Одессы. Директор Одесского отделения ЮРОТАТ заявил, что “правление решило семитов на службу не брать”. В итоге ЮРОТАТ потерял и многих клиентов-евреев. Оборот ЮРОТАТ за июнь 1913 г. оказался на 35 тыс. руб. меньше оборота склада И. Б. Сегалю за тот же месяц прошлого года.¹¹⁶

Важным и более репрезентативным индикатором общего климата межэтнических контактов являются брачные объявления. Несмотря на ничтожное количество заключавшихся реально межэтнических/межконфессиональных браков, важно то, как люди обращались в объявлении к потенциальным партнерам, как определяли значимые аспекты собственной социальной идентичности и что хотели услышать взамен.

“Одесская и юга России брачная газета” выходила с 1910 г. еженедельно по воскресеньям, под редакцией издателя Франкевича. Если современные объявления о знакомствах – в России или США – акцентируют, как правило, этнический или “расовый” аспект, в одесских объявлениях начала 1910-х годов лишь 25-30% всех объявлений упоминали о национальности или вероисповедании: иногда в качестве одного из важнейших факторов, иногда на последнем месте, в скобках, почти стыдливо. Значительная часть объявлений указывает лишь национальность автора, теоретически оставляя вопрос о вероисповедании или этничности партнера открытым. Самое же удивительное, что на 25-40 объявлений в газете почти всегда находилось хотя бы одно, автор которого открыто объявлял о равнодушном отношении к национальности партнера:

Сильно стремящ. к получ. высш. образования, интел. симп. молод. чел. крас., шатен, правосл. средн. роста... ищет жену - друга жизни из

¹¹⁶ См.: “ЮРОТАТ – юдофоб” // Маленькие одесские новости. 1913. № 1 четверг, 15 (28) августа. С. 7. “Маленькие одесские новости” не принадлежали к “еврейской” городской прессе: редактором газеты являлся М. В. Самокатов, который также редактировал популярные “Одесские новости”, доля откровенно “еврейской” рекламы не превышала в газете 30%.

хор. семьи, от зрелого возр. до ср. лет, барышню, вдову или развед. с целью брака... своб. от предрас., желат. образов., но не обяз., обяз. с мат. полож., треб. к пол. высш. (по призыв. инж.) образ. или же хоть с небол. средн. Рост, прош. национ. и испов. (по пр. пр.) не имеет знач.¹¹⁷

Серьезно и открыто ищю жену-друга зуб. врача чтобы работали по одной специальности и которая поняла бы меня, почем знать, все может быть, национальн. и вероиспов. безразлично, приданое не обяз. ...Николов.¹¹⁸

Интеллигентный молодой человек со средствами, имею собств. торговолю. Зарабатыв. 1500 р. в год. Ищю жену-друга. Желательно православную.¹¹⁹

Одинокий интеллигентный молодой человек, жаждущий любви, ищет знакомства с интеллигентной особой. Лета, общественное и материальное положение, прошлое и вероисповедание безразличны...¹²⁰

Интеллигентный молодой человек, с средним образованием, обладаю небольшим капиталом, занимаю солидную должность. Желательно жениться на интеллигентной девушке от 16 до 22 лет. Национал. безразл.¹²¹

Ищю жену не моложе 25 л. и не старше 30 л., вдову или девицу с небольшим приданым, вероисповедание безразлично. Для Вани.¹²²

Какие бы практические соображения не прочитывались за открытостью авторов (поиск приданого или полового партнера), эти и подобные объявления уникальны уже хотя бы потому, что речь в них идет не о “знакомстве”, а о браке, который в обществе, не знающем отделения церкви от государства, мог считаться законным лишь в результате перехода одного супруга в конфессию другого. Что же до тех 70-75% авторов объявлений, никак не отмечающих национальность свою или потенциального партнера, то мало кто из них действительно был готов на смелые межэтнические и межконфессиональные matrimониальные эксперименты. Однако важно, что оставляя возможность для неправильной интерпретации “послания” объявления и обращения по нему людей “не той” веры или национальности, авторы не видели в этом особой опасности, скандала или “неудобства” (по сравнению с обычным стрессом, связанным с заочными знакомствами). Очевидно, что одесситы – несмотря на личные симпатии и антипатии – воспринимали чужую “инаковость” достаточно лояльно, видя в “другом” соседа, а не чужака-пришельца или неуступчивого хозяина положения.

¹¹⁷ Одесская и юга России брачная газета. 1910. № 1. 11 января. С. 4.

¹¹⁸ Там же. № 6. 7 февраля. С. 4.

¹¹⁹ Там же. № 10. 7 марта. С. 1.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ № 12. 21 марта. С. 1.

¹²² Там же. № 13. 4 апреля. С. 1.

3. В тени погрома

Если не знать, что в октябре 1905 года в Одессе произошел один из самых страшных еврейских погромов, то межреволюционная история отношений между одесситами разных конфессий и национальностей вырисовывается как едва ли не идиллическая для той страны и эпохи. Складывается впечатление, что систематический антисемитский (в нашем случае) дискурс “экспортировался” в Одессу извне – через публикации на общероссийские темы в черносотенной прессе, обращения Департамента Полиции или назначение в город гражданских и военных чиновников из других местностей, а сами одесситы стремились восстанавливать некое “неустойчивое равновесие” и status quo, как видно из следующей бытовой сценки 1913 года. В вагоне трамвая, отошедшем с Лонжерона в город, две “интеллигентные дамы” и их спутник довольно громко говорили на идиш. Это возмутило некоего полковника, который крикнул: “Господа! Это издевательство! Жиды завладели городом и галдят на жидовском языке вовсю.” К нему присоединился отставной полковник, и они остановили вагон и отправили кондуктора за городovým. На углу Пушкинской ул. в вагон вошел городовой. Полковники велели ему составить протокол. В это время встал некий “русский господин”, протянул свою визитную карточку и вызвался быть свидетелем в пользу еврейских дам. “Постепенно разгоряченные страсти, однако, улеглись, и по прибытии вагона инцидент был ликвидирован даже без составления протокола.”¹²³

В описанной модели объяснить погром 1905 года нельзя. В нем приняли участие очень многие одесситы, и причины погрома, а главное – его размах, никак нельзя списать на влияние “иностраных” сил: губернатора, агентов Охранки и т.п. С другой стороны, сам этот погром вызвал мощную тенденцию в историографии, когда весь межреволюционный период 1906-1917 гг. в Одессе описывался под знаком постоянных антисемитских преследований, а в истории XIX века искали прецеденты и предвестия погрома 1905 года. Последняя тенденция нашла свое наиболее законченное воплощение в концепции “погромной парадигмы” Дж. Клиера, согласно которой череда антиеврейских выступлений на протяжении XIX века сформировала некую объясняющую и интерпретирующую парадигму, которая, в свою очередь, к началу XX века стала стандартным сценарием для организации погромов.¹²⁴

Однако анализ действительно широкой источниковой базы, с особым вниманием к случаям межнационального насилия, никак не подтверждает гипотезу о торжестве антисемитизма в Одессе после 1905 года. Более того, в отличие от других местностей России, Одесса не знала еврейских погромов и в годы

¹²³ Спор о языке // Маленькие одесские новости, 1913. № 26, 9 (22) сент. С. 7.

¹²⁴ См.: John Klier. The Pogrom Paradigm in Russian History // John D. Klier and Shlomo Lambroza (Eds.). Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History. Cambridge, 1992. Pp. 13-38.

гражданской войны, несмотря на то, что город несколько раз переходил от одной воюющей стороны к другой.¹²⁵ Это говорит о том, что по какой-то причине октябрьский погром 1905 г. стал завершающим эпизодом “погромной парадигмы” в Одессе, открывая некую новую эпоху.

Погром, как и любое преступление, является дискурсивной “черной дырой”. Можно пытаться уловить определенные тенденции, характерные для этого феномена (например, упоминавшуюся “погромную парадигму”), но нельзя на их основании делать обобщающие выводы о “сути” этого явления и строить научные предсказания. Народный и официальный антисемитизм в Одессе не мог испариться за несколько лет после 1905 года, а складывающаяся десятилетиями “погромная парадигма” постоянно предлагала готовый сценарий погрома: на Пасху или на Рождество, в связи со слухами о ритуальном убийстве или осквернении православной святыни, по “указу” царя или губернатора, но непременно, чтобы на три дня... Однако октябрьский погром 1905 г. в Одессе больше не повторился, и некоторые евреи очень скоро стали относиться к угрозе погрома достаточно легкомысленно.¹²⁶ Это говорит о том, что по какой-то причине одесское общество в межреволюционный период потеряло особую восприимчивость к готовым ментальным и практическим сценариям погрома, выработало некий “иммунитет”.

Не пытаясь определить *сущность* погрома, явившегося, как кажется, в 1905 году водоразделом в истории одесского полиэтнического общества, обратим внимание на некоторые социальные функции еврейского погрома в до-революционной России. Вероятно, даже более, чем удавшееся покушение на

¹²⁵ Крупнейший (и едва ли не единственный) советский историк российского/украинского еврейства Саул Боровой склонен был приписывать заслугу предотвращения погромов в Одессе в годы гражданской войны бандитам Мишки Япончика, которые патрулировали еврейские кварталы в кризисные моменты. Саул Боровой. Воспоминания. Москва: Еврейский университет в Москве, 1993. С. 76.

В то же время, советское информационное агентство “Бюро Управления Печати” в Киеве сообщало 21 марта 1919 г., что подготовка офицерами Добровольческой армии погрома в Одессе сорвалась лишь благодаря публичному разоблачению этих планов еврейскими общественными деятелями. См.: Центральный Государственный Архив Высших Органов Управления. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 41. Л. 105.

¹²⁶ И без того невысокая внутриобщинная солидарность одесских евреев в конфликтной ситуации могла уступать место попыткам провести демаркацию по этническому принципу – первому и наиболее естественному маркеру “инаковости” в многонациональной среде. В этом смысле характерен следующий эпизод. В начале сентября 1913 г. владелица шляпного магазина Ф. Гольденберг сделала шляпу для Дины Сахерзон. Та отказалась от заказа и попросила вернуть задаток, но Гольденберг его удержала. Тогда Дина с сестрой Фридой и с братом Сергеем (студентом) разгромили магазин и обругали хозяйку “жидовкой”. То же повторилось еще раз. Их третья сестра, Сара Сахерзон, заявила Гольденбергу, что, “если будет погром, она первая станет громить жидов!” Вывод журналиста, рассказавшего об этом конфликте: “Нечего сказать, воинственная еврейская семейка. И культурный студентик.” См. Воинственная семейка // Маленькие одесские новости. 1913. № 25, 8 сент. С. 6.

жизнь императора, погромы свидетельствовали о несостоятельности политического режима и социальной организации общества и, что особенно важно в контексте настоящей статьи, о кризисе модернизационного процесса и торжестве реакционных попыток самостоятельного восстановления размывающихся социальных границ. Постоянно возникающая новая социально-политическая и экономическая реальность создавала ситуацию социальной энтропии (и этической аномии), которую должны были преодолевать механизмы самоорганизации общества. Еврейский погром, своим архаичным сплавом символического насилия и конкретной “body politics”, оказывался ритуальным восстановлением status quo, прежнего распределения социальных ролей и властных отношений.¹²⁷ С точки зрения динамики модернизации, отдельная погромная вспышка свидетельствовала о слишком быстром темпе изменения общества. Если же не происходило адаптации к изменениям, то погромы превращались в зловещую рутину, отмечающую едва ли не смену времен года.¹²⁸

Таким образом, само по себе наличие антисемитских настроений среди населения и администрации, готовой ментальной структуры “погромной парадигмы” и даже предыдущей истории еврейских погромов не является обязательным условием поддержания постоянной межэтнической конфронтации. Одесский погром 1905 года оказался шоком для всех одесситов,¹²⁹ явно обозначив пределы допустимой “преступной” – с точки зрения закона и моральной экономики населения – деятельности. В отличие от многих других уголков России, Одесса, судя по всему, обладала эффективными механизмами со-

¹²⁷ Рядовые погромщики давали выход накопившейся фрустрации в насилии по отношению к наиболее дискриминированной группе населения, не рассчитывая на более конструктивные формы социально-политического протеста. Сталкиваясь с массовыми беспорядками, центральная власть (вплоть до губернаторов), не имея средств и навыков действия в условиях массовой политики, прибегала к тактике, напоминающей традиционную борьбу со степным пожаром, когда распространение огня останавливают встречной огненной стеной. Погромное движение терпели или даже поощряли постольку, поскольку оно обещало сбить накал политического антиправительственного протеста.

¹²⁸ В течение года после подписания манифеста 17 октября 1905 года по России прокатилось по меньшей мере 650 погромов. Более 80% всех погромов произошли в первые два месяца после манифеста, обозначившего существенный разрыв с многовековой традицией “старого режима”. См.: Shlomo Lambroza. *The Pogroms of 1903-1906*. Pp. 226-228.

¹²⁹ Как показал Роберт Вайнберг, ликвидацией последствий погрома занимались самые разнообразные общественные организации, и не только еврейские. Городская Дума назначила комиссию по расследованию причин погрома и поиска виновных, а также сформировала фонд помощи пострадавшим, независимо от национальности. Юридический факультет университета предлагал консультации жертвам погрома, городская ремесленная управа выделила 12.000 рублей для поддержки пострадавших ремесленников, средства распределял комитет, в который входили пять русских и пять евреев. Отмечались случаи расследований и самосудов над погромщиками со стороны “сознательных рабочих”. См. Weinberg. Pp. 184-187.

циальной адаптации. Несмотря на распространенные антисемитизм и антииудаизм, основной вектор самоорганизации одесского общества в условиях динамичной модернизации был направлен на поиски компромисса и стратегий сосуществования. В состоянии относительной стабильности окружающего мира одесское общество обладало удивительно устойчивым механизмом интеграции и социализации – по обе стороны официальной законности. Динамично развивающееся и постоянно “втягивающее” в себя посторонних членов, находящихся еще в состоянии относительной аномии, оно осваивало новую реальность и новых людей, сохраняя при этом неизменными очень важные элементы своей идентичности: открытость, терпимость и креативность, нередко выступавшие в роли уголовного деликта. Вероятно, в эту устойчивость в какой-то степени внес вклад и страшный октябрьский погром 1905 года, хотя бы тем, что обозначил те пределы, за которыми динамично развивающаяся открытая система ввергалась в пучину действительно деструктивного хаоса. По крайней мере, после 1905 года в Одессе было *выгоднее* торговать и воровать вместе, чем воевать.

ЭПИЛОГ

В заключение, вернемся в Одессу 1915 года, к началу этой статьи. Постепенно нарастающие экономические трудности и отсутствие надежды на скорое улучшение ситуации, приток беженцев делал людей раздражительными, менее терпимыми друг к другу. В августе в одной популярной кондитерской произошел следующий примечательный эпизод, рассказанный в газете “Маленький одесский листок” фельетонистом “Бедовым”. Фотограф Белоцерковский (еврей) послал прислугу (очевидно, православную) в кондитерскую. Кассирша должна сдать 2 р. 50 коп., а медная и серебряная мелочь в обстановке ползучей инфляции уже стала дефицитом. Кассирша спросила:

- Вы от русских?
- Нет.
- Тогда нет сдачи.¹³⁰

Несмотря на нервную обстановку в стране и городе и разворачивающуюся кампанию по поиску внутренних врагов, даже такой мелкий случай дискриминации по этническому признаку (по современным российским понятиям – заурядного хамства) не воспринимался в Одессе как обидный и “нормальный”. Включился механизм саморегуляции, и случай стал достоянием гласности.¹³¹ “Политически некорректную” кассиршу в тот же день уволили. Что ха-

¹³⁰ Бедовый. Дневник // Маленький одесский листок. 1915. № 52, 24 августа. С. 3.

¹³¹ “Маленький одесский листок”, дочернее издание популярного “Одесского листка” под редакцией С. М. Навроцкой, не являлся откровенно проеврейской газетой, незначительна была и доля “еврейской” рекламы.

рактерно, такой исход не удовлетворил ни фельетониста, ни пострадавшего фотографа Белоцерковского. Они обратились через газету к владельцу кондитерской с просьбой взять кассиршу назад, называя ее слова “необдуманной фразой”, уверяя, что она осознает свою оплошность. Оказалось, перед разговором с прислугой какая-то покупательница сказала кассирше:

– Надо спрашивать покупателей, кто они, если не русские – сдачи не давать.

Так замотавшаяся женщина и поступила...¹³²

Эта рождественская история, случившаяся в конце августа, свидетельствует о том, что потенциальные источники межэтнического конфликта находились в самом одесском обществе, возникая ежедневно и повсеместно. Однако очевидно, что в состоянии относительной стабильности окружающего мира одесское общество обладало удивительно устойчивым механизмом интеграции и социализации – по обе стороны официальной законности. Динамично развивающееся и постоянно “втягивающее” в себя посторонних членов, находящихся еще в состоянии относительной аномии (подобно кассирше, “необдуманно” нарушающей общепринятые нормы поведения), оно осваивало новую реальность и новых людей, сохраняя при этом неизменными очень важные элементы своей идентичности: открытость, терпимость и креативность, нередко выступавшие в роли уголовного деликта. Вероятно, в эту устойчивость в какой-то степени внес вклад и страшный октябрьский погром 1905 года, хотя бы тем, что обозначил те пределы, за которыми динамично развивающаяся открытая система ввергалась в пучину действительно деструктивного хаоса.

В ситуации слабой или неэффективной государственной власти, аномии “колониальной” неукорененной жизни, спонтанного возникновения и развития социальных иерархий и неформальных властных отношений, незаконная деятельность одесских евреев (как и остальных одесситов) являлась более комплексным феноменом, чем банальная “преступность”. В начале XX века около 50 тысяч одесских евреев существовало на грани физического выживания и примерно такое же количество их более удачливых соплеменников выживало за счет поиска лазеек в дискриминирующем антиеврейском законодательстве. Все это создавало питательную среду для своеобразной формы социальной организации и даже самоуправления (на уровне банд).

Повышенная заметность еврейской преступности в общественном дискурсе (по сравнению с официальной статистикой) и определенные ее характеристики, зафиксированные в тысячах изученных случаях, дают основания видеть в ней также проявление конфликта между институтами архаического государства и быстро модернизирующегося “колониального” анклава внутри

¹³² Бедовый. Дневник: За необдуманную фразу // Маленький одесский листок. 1915. № 54, 26 августа. С. 3.

империи (“фронтира”). Одесские евреи чувствовали и вели себя иначе, чем евреи в других частях России (и мира), находя собственный путь интеграции в “большое” общество, который был не всегда легальным.